

יידישער וויסנשאַפֿטלעכער אינסטיטוט · יוואָ

Est. 1925

15 WEST 16TH STREET · NEW YORK · NY · 10011 · YIVO.ORG · TEL (212) 246-6080 · FAX (212) 292-1892

YIVO ARCHIVES

Record Group 80

Elias Tcherikower Archive Records of the Mizrakh Yidisher Historisher Arkhiv

1717, 1841-1874, 1881-1896, 1901-1947, 1956, undated
[Bulk Dates 1919-1927]

Folder No. 180

№ 3

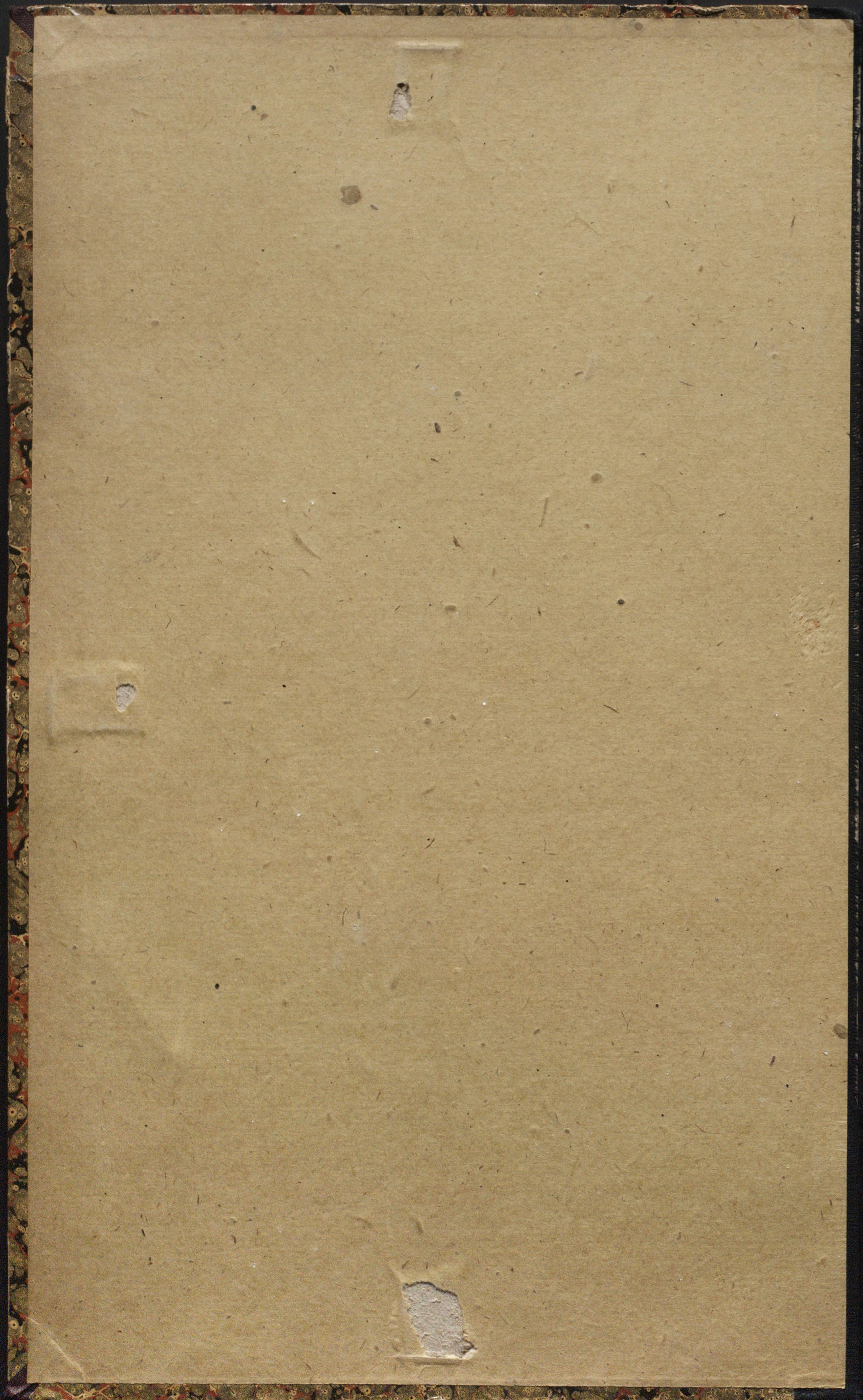
15514

Троцкий

История

№ 1.

443-448

х-443-448

15515

Προσκυροβ

(см. орд. напуг: „Προσκυροβ“)

וְרַקְוָה

(„וְרַקְוָה“ : וְרַקְוָה)

Поступило въ редакцію
21-го іюля 1919 г.
отъ Комитета Помощи.

Ц. А.
К. I

VII, 1919.

К о п і я.

15516

W443

Погромъ въ Проскуровѣ въ февралѣ 1919 г.

Докладъ А. И. Гиллерсона.

Проскуровъ является самымъ оживленнымъ городомъ въ Подольской губерніи. Населеніе его простирается до 50 тысячъ человѣкъ, изъ коихъ до 25 тысячъ — евреи. Демократическая Городская Дума его состояла изъ 50 гласныхъ; изъ нихъ 26 христіанъ и 24 еврея. Изъ числа еврейскихъ гласныхъ 18 человѣкъ прошли по еврейскимъ спискамъ; остальные — по общимъ социалистическимъ спискамъ. Во главѣ Думы въ Проскуровѣ, какъ почти повсемѣстно въ Подоліи и на Волыни, стоятъ поляки. Городскимъ головой состоялъ полякъ Сикора, а предсѣдателемъ Городской Думы — полякъ, докторъ Ставинскій.

Въ административномъ отношеніи Проскуровъ управляется военнымъ комендантомъ Киверчукомъ и комиссаромъ Тарановичемъ. Первый былъ военнымъ служакой еще царскаго времени, а второй бывший народный учитель. Городъ охранялся милиціей, которая, главнымъ образомъ была подчинена Коменданту. Городское самоуправленіе, не довѣряя всецѣло милиціи, организовало собственную охрану, такъ называемую квартальную охрану. Во главѣ этой охраны стало Центральное Бюро, имѣвшее въ своемъ предсѣдателемъ христіанина Рудницкаго, а товарищемъ предсѣдателя — еврея Шенкмана. Такъ какъ городская охрана состояла преимущественно изъ евреевъ, то она вообще не пользовалась расположеніемъ коменданта Киверчука, и онъ ей чинилъ всякія затрудненія, отбирая оружія и т.п.

Въ Проскуровѣ, еще до времени царя, имѣлись на лицо не только всѣ легальныя партіи, но и нелегальныя. Само собою разумѣется, что общественно-политическая жизнь въ городѣ особенно оживилась послѣ паденія царизма.

При гетманѣ въ Проскуровѣ неоднократно подвергались репрессіямъ представители социалистическихъ партій, а въ особенности большевики. Съ паденіемъ гетмана и воцареніемъ Петлюровской власти большевистскіе ячейки въ Проскуровѣ сохранились и существовали нелегально.

Вообще все социалистическія фракціи, не исключая и большевиковъ были объединены въ общей организаціи, возглавляемой бундовцемъ Гоффе. Недѣли за 3 до Проскуровской рѣзни имѣло мѣсто слѣдующее обстоятельство, оказавшееся роковымъ для Проскурова.

Въ Винницѣ - резиденціи самого Петлюры состоялся съѣздъ большевиковъ Подольской губерніи. Этотъ съѣздъ засѣдалъ два дня и его засѣданія происходили безпрепятственно. Съѣздъ вынесъ резолюцію о поднятіи большевистскаго возстанія во всей Подольской губерніи, причемъ днемъ возстанія было назначено 10 февраля. То обстоятельство, что этотъ съѣздъ прошелъ безпрепятственно, дало поводъ нѣкоторымъ лицамъ утверждать, что онъ былъ созванъ съ вѣдома Петлюровской власти въ цѣляхъ провокаціи. Но объективное изслѣдованіе приводитъ къ выводу, что въ данномъ случаѣ никакой провокаціи не было, и что съѣздъ прошелъ благополучно, благодаря лишь плохой организаціи, а, слѣдовательно, и плохой освѣдомленности петлюровской власти. Указываютъ также на то обстоятельство, что большевистское выступленіе имѣло мѣсто лишь въ одномъ Проскуровѣ, между тѣмъ, какъ въ другихъ мѣстахъ Подольской губерніи, даже на ст. Жмеринка, гдѣ имѣется до 7 тыс. желѣзнодорожныхъ рабочихъ, никакихъ попытокъ къ выступленію сделано не было. Въ этомъ также усматриваютъ признакъ провокаціи. Но объективное изслѣдованіе приводитъ къ тому убѣжденію, что въ другихъ мѣстахъ выступленія не было потому, что во главѣ большевистскихъ организацій стояли болѣе серьезные люди, признавшие, что моментъ для выступленія является неподходящимъ.

Въ Проскуровѣ же во главѣ большевистской ячейки стояли люди слишкомъ юные и мало сознательные. Но кромѣ этого было еще одно существенное обстоятельство, которое побудило проскуровскихъ большевиковъ начать свое выступленіе. Въ Проскуровѣ были расквартированы два полка, а именно 15-ый Бѣлгородскій и 8-ой Подольскій которые были опредѣленно большевистски настроены. Въ первомъ полку было человекъ 340, во второмъ немного больше. На поддержку этихъ полковъ большевики и рассчитывали.

Дней за 10 до погрома въ Проскуровѣ появилась запорожская казачья бригада украинскаго республиканскаго войска имени главнаго атамана Петлюры, подъ командой атамана Семосенко. Вместе съ этой бригадой появился и 3-ій гайдамацкій полкъ. Какъ бригада, такъ и полкъ, согласно объявленія Семосенко явились

съ фронта для отдыха и несенія въ Проскуровѣ гарнизонной службы.

6-го февраля атаманъ Семосенко послалъ въ типографію для напечатанія наказа, въ которомъ онъ объявляетъ, что принимаетъ на себя обязанности начальника гарнизона и, въ качествѣ такового, запрещаетъ всякіе самовольные въ городѣ собранія и митинги. Онъ предупреждаетъ, что всякая агитація противъ существующей власти будетъ караться по законамъ военного времени, Запрещаются также всякіе призывы къ погрому, при чемъ уличенные въ такомъ призывѣ будутъ разстрѣливаться на мѣстѣ /см. т. 3 стр. 1/.

Въ то же время Семосенко послалъ сообщеніе въ Городскую Управу о томъ, что онъ вступилъ въ исполненіе обязанностей начальника гарнизона, что онъ намѣренъ преслѣдовать всякаго нарушителя порядка и при этомъ сообщаетъ, что на одной изъ станцій имъ разстрѣлянъ казакскій офицеръ за попытку грабить. /Было извѣстно, что рѣчь шла о попыткѣ на одной изъ станцій ограбить еврея./ Объ этомъ сообщеніи узналъ тов. председателя Центрального Бюро квартальной охраны - Шенкманъ, и онъ отправился къ Семосенко, чтобы лично съ нимъ познакомиться. Семосенко его любезно принялъ, обѣщалъ снабдить охрану оружіемъ и оказать ей всякое содѣйствіе къ предотвращенію погромовъ. Объ этой бесѣдѣ съ Шенкманомъ, а равно о томъ, что Семосенко послалъ вышеуказанный наказъ для набора стало извѣстно нѣкоторымъ дѣятелямъ городского самоуправления, и они по словамъ председателя городской думы д-ра Ставискаго, отправились къ коменданту Киверчуку, чтобы освѣдомиться, насколько Семосенко правомоченъ и кѣмъ эти правомочія ему даны. Киверчукъ отвѣтилъ, что ему объ этомъ ничего не извѣстно, и онъ тутъ же распорядился, чтобы набранный уже въ типографіи наказъ не былъ опубликованъ.

Нужно указать, что съ появленіемъ въ городѣ 3-го гайдамацкаго полка среди евреевъ началось тревожное настроеніе. Этотъ полкъ велъ себя вызывающе, и о немъ опредѣленно говорили, что онъ имѣетъ за собою погромное прошлое. [О томъ, что предполагается большевистское выступленіе никому въ городѣ извѣстно не было. Лишь за два дня до 15 февраля начальникъ милиціи Кара-Желязковъ сообщилъ Гоффе, что онъ слышалъ, будто въ Проскуровѣ затѣвается переворотъ, и что въ штабѣ коменданта опредѣленно поворотъ, что уже намѣчена будущая большевистская власть съ Гоффе во главѣ. Обезпокоенный Гоффе созвалъ

представителей социалистических фракций, в том числе и большевиков. Явившиеся на заседание два представителя коммунистической партии заявили, что действительно восстание готовится, и что уже формируется будущая власть. На протесты других фракций и указание, что восстание это приведет их к краху, а евреев к погрому — они ответили, что восстание произойдет одновременно во всей подольской губернии, и что в Проскурове на стороне возставших будет часть гарнизона и 16 деревень готовится прийти им на помощь. О том, когда выступление произойдет они не сообщили /см. показ. Гоффе стр. 84-87 и 92-99/.

В пятницу вечером 14-го февраля в Центральное Бюро квартальной охраны явилось два молодых человека из большевистской фракции и объявили, что на 12 час. ночи назначено большевистское выступление и спросили председателя Рудницкого и товарища Шенкмана, какую позицию займет в данном случае квартальная охрана. Им было отвечено, что квартальная охрана по существу своему является беспартийной организацией, имеющей своим назначением лишь охрану жителей, и что в данном случае она будет совершенно нейтральна. При этом Шенкман указал на несвоевременность выступления и на то, что это обязательство приведет к еврейскому погрому. Но ему было отвечено, что выступление будет общегубернское, и что благоприятный исход его обеспечен. Позднее явился другой член коммунистической организации и объявил, что по постановлению организовавшегося уже Ревкома он назначается комиссаром Бюро квартальной охраны, и что Шенкман назначается им для поддержания связей с организовавшимся уже большевистским штабом. Он сообщил Шенкману пароль, по которому он мог бы пройти в штаб. По показанию Шенкмана он и Рудницкий собрали всех наличных членов охраны и заявили им, что предоставляют им свободу действий, но потребовали, чтобы они тут же сняли все внешние знаки принадлежности к квартальной охране, что теми было исполнено. При этом все опрашиваемые заявили, что они никакого участия в политическом выступлении принимать не будут. С полученным паролем Шенкман отправился в большевистский ~~кххххххх~~ Ревком, а затем и в штаб. Убедившись, что работа у большевиков не налажена, что предполагаемое выступление окажется, по его словам, блефом, он обратился к наиболее серьезному большевику с указанием на не-

своевременность этого выступления. Тотъ ему въ свою очередь объяснилъ, что выступленіе уже перенесено съ 12 час. ночи на 6 час. утра, и что онъ приметъ мѣры къ тому, чтобы оно было отложено до другого болѣе удобнаго времени. Дѣйствительно, когда Шенкманъ послѣ этого разговора вернулся въ Центральное Бюро, то оставленный тамъ комиссаръ большевистскаго Ревкома объявилъ ему, что имъ получена телефонограмма о томъ, что возстаніе отменяется. Шенкманъ тогда отправился въ городъ, чтобы убѣдиться на мѣстахъ ли охрана. И когда онъ вновь вернулся въ Бюро, тотъ же комиссаръ сообщилъ ему, что произошла новая перемена и что возстаніе назначено послѣ 6 час. утра, о чемъ будетъ возвѣщено выстрѣлами. Дѣйствительно въ 6 съ половиной часовъ утра раздались выстрѣлы, и возстаніе началось.

Первымъ дѣломъ большевики захватили почту и телеграфъ и арестовали коменданта Киверчука, считая его, не безъ основанія, опаснымъ черносотенцемъ и погромщикомъ. Въ одной изъ квартиръ дома Трахтенберга, въ самомъ центрѣ, на Александровской улицѣ, они открыли свой штабъ. Часть изъ нихъ отправлялась въ казармы 15 Вѣлгородскаго и 8 Нодольскаго полка. Тамъ они разбудили спавшихъ солдатъ и объявили имъ, что возстаніе началось и что органы большевистской власти уже формируются. Они предложили солдатамъ выступить противъ петлюровскихъ войскъ, которые сконцентрированы въ вагонахъ за вокзаломъ. На указаніе солдатъ, что у нихъ нѣтъ пулеметовъ, имъ было отвѣчено, что пулеметы имѣются у крестьянъ, которые уже приближаются къ городу, чтобы принять участіе въ возстаніи. Тогда большевистски настроенные солдаты арестовали своихъ офицеровъ, а равно и тѣхъ солдатъ, которые были противъ выступления. Они захватили полковое оружіе и выступили по направленію къ вокзалу. Тамъ они открыли огонь по вагонамъ, въ которыхъ находились гайдамаки и прочіе казаки. Но когда послѣдніе вышли изъ вагоновъ, и пришедшіе солдаты убѣдились въ ихъ многочисленности — они отступили къ своимъ казармамъ. Казаки послѣдовали за ними и начали обстрѣливать казармы. Тогда солдаты отступили къ Фельшину и Ярмолинцамъ, куда раньше была послана одна ихъ часть для поднятія большевистскаго возстанія, а оттуда они разсѣялись по разнымъ направленіямъ, и такимъ образомъ, скрылись отъ преслѣдованія. Послѣ отступленія солдатъ было ясно, что воз-

станіе провалилось.

Стрѣльба, которая происходила рано утромъ, взволновала представителей города, и они стали собираться въ городской думѣ. Нѣсколько разъ городской голова и предсѣдатель городской думы являлись въ комендатуру, но тамъ имъ никакихъ свѣдѣній не сообщали. Наконецъ, они увѣдѣли подѣхавшаго къ комендатурѣ Киверчука и отъ него узнали, что онъ былъ арестованъ. На вопросъ, кто его арестовалъ, онъ отвѣтилъ: "жиды - члены квартальной охраны". *Онъ прибавилъ, что вмѣстѣ съ ними выступилъ противъ него его ординарецъ, котораго онъ только что собственноручно застрѣлилъ.

По показанію свид. Маранца /стр. 17-22/ онъ въ субботу утромъ одѣвшись въ солдатское платье, прошелъ на Александровскую улицу къ дому Трахтенберга, гдѣ, какъ онъ впоследствии узналъ, былъ большевистскій штабъ. Около дома онъ замѣтилъ много рабочихъ, одѣтыхъ въ солдатскую одежду. Одинъ изъ нихъ обратился къ нему съ предложеніемъ, чтобы онъ примкнулъ къ нимъ. Въ это время онъ замѣтилъ, что отъ вокзала по направленію къ дому Трахтенберга верхомъ на лошадяхъ идетъ казацкая сотня, бывшая въ распоряженіи коменданта Киверчука, съ его помощникомъ Новицкимъ во главѣ. Онъ тогда обратился къ стоявшему тутъ же знакомому русскому рабочему и спросилъ, что означаетъ появленіе Новицкаго. Тотъ отвѣтилъ: "Новицкій съ нами, и онъ стоитъ во главѣ возстанія". Но не успѣвъ онъ это сказать, какъ раздалась громкая команда "заряжать ружья". Вскорѣ раздался залпъ, который, какъ впоследствии оказалось, была убита молодая дѣвушка, дочь домовладѣльца Трахтенберга, находившаяся у себя въ комнатѣ. Окружавшіе домъ Трахтенберга большевики разбѣжались и возстаніе было окончательно ликвидировано. Тѣмъ не менѣе со стороны властей раздавались еще залпы въ разныхъ мѣстахъ города съ очевидной цѣлью представить возстаніе болѣе серьезнымъ, чѣмъ оно въ дѣйствительности было. Вскорѣ гайдамаки были вновь сконцентрированы на вокзалѣ, а въ городѣ начались аресты. [Атаман Семесенко на этотъ разъ въ полномъ согласіи съ Киверчукомъ вступилъ въ исполненіе обязанностей начальника гарнизона.

Свое вступленіе онъ ознаменовалъ пышнымъ угощеніемъ гайдамаковъ, а за обѣдомъ обильно угостилъ ихъ водкой и коньякомъ.

По окончаніи трапезы, онъ обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой описовалъ тяжелое положеніе Украины, а также понесенные ими труды и на полѣ сраженія и отиѣтилъ, что самыми опасными врагами украинскаго народа и казаковъ являются жида, которыхъ необходимо вырѣзать для спасенія Украины и самихъ себя. Онъ потребовалъ отъ казаковъ присягу въ томъ, что они выполнятъ свою священную обязанность и вырѣжутъ еврейское населеніе, но при этомъ они также должны поклясться, что они жидовскаго добра грабить не будутъ, такъ какъ грабежъ не достоинъ казака. Казаки были приведены къ знамени, и они присягнули, что будутъ рѣзать, но не грабить. Когда одинъ полусотникъ предложилъ вмѣстѣ рѣзни наложить на евреевъ контрибуцію, то Семосенко пригрозилъ ему разстрѣломъ. Нашелся также одинъ сотникъ, который заявилъ, что онъ не позволитъ своей сотнѣ рѣзать невооруженныхъ людей. Этотъ сотникъ, имѣвшій большіе связи въ правительствѣ Петлюры, былъ вмѣстѣ съ своей сотней отправленъ за городъ, а остальные казаки, выстроившись въ походномъ порядкѣ, съ музыкой впереди и съ санитарнымъ обозомъ позади, отправились въ городъ и прошли по Александровской улицѣ, въ концѣ которой они рассыпались по боковымъ улицамъ, сплошь населеннымъ евреями /показ. Берлинера, см. стр. 14 т. II/.

Еврейская масса почти не была осведомлена о происшедшемъ большевистскомъ выступленіи. Привыкнувъ въ послѣднее время ко всякаго рода стрѣльбѣ, она не придавала особаго значенія тѣмъ выстрѣламъ, которые раздавались утромъ того дня. Это было въ субботу и правовѣрные евреи съ утра отправились въ синагогу, гдѣ помолились, а затѣмъ, вернувшись домой сѣли за субботнюю трапезу. Многіе, согласно установившемуся обычаю, послѣ субботняго обѣда легли спать.

Рассыпавшіеся по еврейскимъ улицамъ казаки группами отъ 5 до 15 человекъ съ совершенно спокойными лицами входили въ дома, вынимали шашки и начинали рѣзать бывшихъ въ домѣ евреевъ, не различая ни возраста, ни пола. Они убивали стариковъ, женщинъ, дѣтей и даже грудныхъ младенцевъ. Они, впрочемъ, не только рѣзали, но наносили также колотыя раны штыками. Къ огнестрѣльному оружію они прибѣгали лишь въ томъ случаѣ, когда отдѣльнымъ лицамъ удавалось вырваться на улицу. Тогда имъ вдогонку посылались пули. Когда вѣсть о начавшей рѣзнѣ распространилась среди евреевъ они начали прятаться по чердакамъ и погребамъ, но казаки съ чердаковъ ихъ стаскивали внизъ и убивали. Въ погреба же они бросали ручныя гранаты.)

По словамъ свид. Шенкмана, казаки убили на улицѣ, около дома его младшаго брата, а затѣмъ ворвались въ домъ и раскололи черепъ его матери. Прочіе члены семьи спрятались подъ кроватями; но когда его маленькій братишка увидѣлъ смерть матери, - онъ вылезъ изъ подъ кровати и началъ цѣловать ея трупъ. Казаки начали рубить ребенка. Тогда старшій отецъ не вытерпѣлъ и также вылезъ изъ подъ кровати, и одинъ изъ казаковъ убилъ его двумя выстрѣлами. Затѣмъ они подошли къ кроватямъ и начали колотъ лежавшихъ подъ ними. Самъ онъ случайно уцѣлѣлъ.

По словамъ свид. Маранда въ домъ его друга Авербуха было убито 15 человекъ и четверо тяжело ранено. Когда онъ обратился къ сосѣдямъ христіанамъ, чтобы тѣ помогли ему перевязать раненыхъ, то только одна крестьянка согласилась оказать помощь, прочіе отказались. Свидѣтельница Гринбергъ /т. I стр.29/ рассказываетъ, что изъ окна своей квартиры она видѣла, какъ у противоположнаго дома Хаселева остановилась банда гайдамаковъ человекъ въ 20, изъ которой 4 человекъ отдѣлилось и зашли въ домъ Шифмана, гдѣ пробыли очень короткое время, а до выхода оттуда начали чистить въ снѣгу свои окровавленные шапки. Въ этой квартирѣ оказалось зарѣзанными 3 человекъ. Другая часть этой банды вошла въ находившуюся рядомъ гостиницу "Франція"; оттуда выбѣжалъ старикъ-хозяинъ, за которымъ они погнались; за ними бѣжали дѣти, старики и молили о пощадѣ.

По словамъ свид. Шнигеля /т. I стр.76/ - онъ вмѣстѣ со своимъ братомъ былъ въ гостяхъ у семьи Потехи, когда узналъ о томъ, что въ городѣ происходитъ рѣзня. Обезпокоенный судьбой своей старухи матери онъ пошелъ домой и окольными путями повелъ старуху въ домъ знакомыхъ поляковъ, но тѣ наотрѣзъ отказались принять ихъ, заявивъ, что они боятся за свою собственную судьбу. Ему удалось приютить свою мать въ домѣ знакомыхъ евреевъ. Когда онъ обратно возвращался къ дому Потехи, то стоявшіе около дома христіане, такъ наз. мѣщане, предупредили его, чтобы онъ туда не ходилъ, такъ какъ тамъ рѣжутъ. Но встревоженный за своего брата, онъ всетаки туда пошелъ и убѣдился, что вся семья Потехи и всѣ бывшіе въ домѣ, въ томъ числѣ и его братъ, уже вырѣзаны. Старуха хозяйка дома была настолько изрублена, что онъ могъ ее узнать лишь по фигурѣ. Около старухи лежалъ изрубленный саблями и иско-

лотый штыками трупъ ея сына. Въ такомъ же видѣ лежала убитая старшая дочь ея. Также была убиита младшая дочь, а средняя лежала тяжело раненая. Тяжело раненой оказалась также гостившая у нихъ родственница. Во дворѣ же были тяжело ранены два брата Бреслеръ и ихъ старуха-мать. Его братъ былъ смертельно раненъ, но еще дышалъ, и у него на рукахъ скончался.

Въ домъ любопытства ради вошли сосѣли-христиане, и онъ обратился къ нимъ съ просьбой помочь ему уложить раненыхъ на кровати но тѣ отказались. Одинъ только сосѣдъ, по фамилии Сикора, оказалъ ему нѣкоторую помощь. Изъ раненыхъ двое умерли, трое выздоровѣли но остались калѣками. Въ домѣ Вольфцуна /т. II, стр. 16/, оказалась вырѣзанной вся семья и осталась въ живыхъ одна дѣвушка, получившая 28 ранъ. Убіиства начались такимъ образомъ: казаки подошли къ дому съ пулеметами и санитарнымъ отходомъ. По командѣ "стой", часть выстроилась въ цѣпь, другіе начали тутъ же точить оружіе. Затѣмъ раздалась команда "за дѣло" и казаки рассыпались по домамъ и начали рѣзать.

Въ домѣ Земелманъ /стр. 13/ убито 21 человекъ и двое ранено. Къ дому подошли гайдамаки стройными рядами съ двумя пулеметами. Съ ними была сестра милосердія и человекъ съ повязкой краснаго креста, оказавшійся впоследствии д-ромъ Скорникомъ, заведывающимъ санитарнымъ отрядомъ.

Въ домѣ Влехмана /стр. 15/ убито 6 человекъ: одинъ убитъ ударомъ по головѣ, отчего черепъ раскололся пополамъ. Дѣвушка была ранена въ заднюю часть тѣла, для чего было приподнято платье.

Въ домѣ Крочака /стр. 9 т. II/ ворвалось 8 человекъ и первымъ дѣломъ разбили вдребезги всѣ окна. Пять вошли въ квартиру, а трое остались на улицѣ. Вошедшіе схватили старика Крочака за бороду и потащили къ кухонному окну, откуда перебросили его къ тѣмъ, которые стояли на улицѣ, гдѣ его тутъ же убили. Затѣмъ они убили старуху мать и двухъ дочерей, а бывшую у нихъ въ гостяхъ барыню они за косы вытащили въ другую комнату, затѣмъ выбросили ее на улицу, гдѣ она была звѣрски убита. Послѣ этого они вновь вернули съ въ домъ и нанесли нѣсколько тяжелыхъ ранъ 13-ти лѣтнему мальчику, который впоследствии совершенно оглохъ. Старшему брату его они нанесли 9 ранъ въ животъ и бокъ, положивъ его

предварительно на трупъ убитой матери, затѣмъ нанесли ему еще двѣ раны, сказавъ: "теперь мы уже съ нимъ покончили".

Въ домѣ Завули /стр. 16/ убита дочь, которую долго мучили. Мальчикъ въ домѣ получилъ нѣсколько ранъ и притворился мертвымъ. Мать предлагала убійцамъ деньги, но они отвѣтили "мы только за душой пришли".

По показанію свидѣтеля Глузмана /т. II стр. 17/ онъ въ субботу 15-го января очутился на улицѣ, но милиціонеры совѣтовали ему идти домой. Прийдя домой, онъ засталъ у себя въ квартирѣ 16 человекъ сосѣдей. Изъ окна они замѣтили отрядъ гайдамаковъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы, подошедшихъ къ дому въ полномъ порядкѣ. Онъ сталъ уговаривать жену и дочерей, чтобы тѣ спрятались, такъ какъ боялся за ихъ честь. Но тѣ не хотѣли безъ него спрятаться. Вошедшіе гайдамаки всѣхъ выгнали во дворъ, а затѣмъ одинъ изъ нихъ подошелъ къ воротамъ и крикнулъ къ оставшимся "идите сюда, здѣсь много жидовъ". Вскорѣ всѣхъ окружили. Самъ Глузманъ очутился возлѣ дверей, ведущихъ въ погребъ, а возлѣ него стояла семья его. Его самого ударили штыкомъ два раза, и онъ свалился въ погребъ. Это его спасло. Его жена, которая стояла наверху, была убита. Онъ также замѣтилъ, что одинъ раненый молодой человекъ просилъ его пристрѣлить. Гайдамакъ въ него два раза выстрѣлилъ. На это другой ему замѣтилъ: "зачѣмъ ты стрѣляешь, вѣдь атаманъ приказалъ рѣзать, но не стрѣлять." Тотъ отвѣтилъ: "но что дѣлать, когда такъ просятъ."

Рѣзня продолжалась отъ двухъ часовъ дня до пяти съ половиной часовъ вечера. Она бы, вѣроятно, затянулась до поздней ночи, но комисаръ Тарановичъ, не будучи посвященъ во всѣ планы Семосенко и Киверчука, ужаснулся при видѣ того кроваваго разгула, который разыгрался въ городѣ. Онъ побѣжалъ къ Семосенко и сталъ настойчиво просить, чтобы онъ прекратилъ рѣзню. Но тотъ на его слова вниманія не обратилъ. Тогда Тарановичъ отправился на телеграфъ и по прямому проводу сообщилъ губернскому начальству въ Каменецъ отомъ, что происходитъ въ Проскуровѣ. Оттуда ему сообщили о мѣстонахожденіи командующаго фронтомъ Шаповала, и Тарановичъ, по прямому же проводу, вызвалъ послѣдняго и доложилъ ему о происходящемъ, а равно и о своемъ разговорѣ съ Семосенко. Шаповалъ тутъ же телеграфировалъ приказъ ата-

ману Семосенко о немедленном прекращении резни. Этот приказ Тарановичъ отнесъ Семосенко, и тотъ заявилъ: "хорошо, на сегодня резни хватитъ". Знакомъ рожка было дано знать гайдамакамъ о прекращении резни. Гайдамаки собрались тогда на заранѣе назначенное мѣсто и оттуда въ походномъ порядкѣ съ пѣснями отправились къ мѣсту своей стоянки за вокзаломъ.

Свѣдѣнія о дѣйствіяхъ комиссара Тарановича сообщаны свидѣтелемъ Верховой /стр. 44-65/, а равно зафиксированы въ слѣдственномъ производствѣ, произведенномъ большевистской властью о дѣйствіяхъ Тарановича. Съ этимъ слѣдственнымъ матеріаломъ я лично ознакомился.

Надо отдать справедливость гайдамакамъ: они честно выполнили свою присягу: они безпошадно рѣзали, но не грабили. Въ нѣкоторыхъ домахъ имъ предлагали деньги, и они деньги рвали на клочки. Если бывали отдѣльные случаи грабежа, то въ видѣ исключенія. Но вмѣстѣ съ гайдамаками рѣзали евреевъ также и другіе казаки, преимущественно изъ сотни Киверчука, а равно и милиціонеры. Эти, не будучи связаны святой присягой не только рѣзали, но и грабили. Но главнымъ образомъ, грабежи происходили ночью послѣ того, какъ резня уже была закончена. Это были не грабежи въ тѣсномъ смыслѣ слова, а расхищенія имущества, оставшагося, такъ сказать, безхознымъ, вслѣдствіе того, что семьи вырѣзывались цѣликомъ. Въ расхищеніи этого имущества участвовали казаки, солдаты, милиціонеры и обыватели, а равно и уголовный элементъ, выпущенный изъ тюрьмы, по всѣмъ даннымъ по распоряженію Киверчука, который это сдѣлалъ, очевидно съ той цѣлью, чтобы на него, въ случаѣ надобности, валить вину за происшедшее. По распоряженію того же Киверчука была обезоружена милиція и съ оружіемъ остались лишь тѣ милиціонеры, которые явились помощниками гайдамаковъ въ дѣлѣ резни.

О томъ, что въ домѣ все живое вырѣзано, по ироніи судьбы свидѣтельствовали ярко освѣщенные окна. Дѣло въ томъ, что въ Проскуровѣ почти всѣ дома освѣщаются электричествомъ, которое тамъ весьма доступно. Религіозные же евреи, которыхъ въ Проскуровѣ большинство, вѣрные своему закону, въ субботу, или вѣрнѣе, въ ночь съ пятницы на субботу, огня не гасятъ, и электрическихъ рожковъ не закрываютъ. Электричество, такимъ образомъ, горитъ до утра, когда оно гаснетъ за прекращеніемъ тока, а затѣмъ въ субботу вечеромъ, съ подачей тока само зажигается. Евреи послѣ ужаснаго дня субботы 15-го фев-

раля огня не зажигали. Тѣмъ ярче былъ огонь въ окнахъ домовъ, гдѣ еврейскія семьи были сплошь вырѣзаны. На этотъ то огонь и шли грабители. Бывали, конечно, недоразумѣнія, когда они попадали въ освѣщенные христіанскіе дома. Этимъ объясняются тѣ ея единичныя нападенія на христіанскія квартиры въ ночь съ субботы на воскресенье, о которыхъ въ своихъ показаніяхъ сообщаетъ свидѣтель Верховла и донторъ Ставинскій /стр. 70-75/.

[По словамъ свидѣтеля Верховла и председателя городской думы д-ра Ставинскаго они лишь поздно вечеромъ узнали о происшедшей рѣзнѣ и вмѣстѣ отправились пѣшкомъ по улицамъ. Они видѣли много валявшихся труповъ, они также заходили въ освѣщенные квартиры, гдѣ лежали зарѣзанные евреи. Съ мыслью организовать перевязочные пункты для раненыхъ, они заходили въ нѣкоторыя аптеки, но тамъ они встрѣтили уже названнаго раньше д-ра Скорника, который реквизируетъ весь перевязочный матеріалъ для нуждъ яко-бы казаковъ, утверждая, что среди нихъ есть много раненыхъ, привезенныхъ съ фронта, что по проверкѣ совершенно не подтвердилось. Ясно, что матеріалъ забирался для того, чтобы его не использовали раненые евреи. Этотъ д-ръ Скорникъ вмѣстѣ съ сестрой милосердія и двумя санитарями принималъ активное участіе въ рѣзнѣ. Особенное отличался д-ръ Скорникъ. Когда другая сестра милосердія, возмущенная его образомъ дѣйствій, крикнула ему: "что вы дѣлаете, вѣдь на васъ повязка Краснаго Креста", онъ сорвалъ съ себя повязку и бросилъ ей, а самъ продолжалъ рѣзать.]

По показанію трехъ гимназистовъ, реквизированныхъ въ Елисаветградѣ гайдамаками для службы въ санитарномъ отрядѣ, Скорникъ вернувшись послѣ рѣзни въ свой вагонъ, хвасталъ, что въ одномъ домѣ имъ встрѣтилась такая красавица дѣвушка, что ни одинъ гайдамакъ не рѣшился ее зарѣзать, тогда онъ собственноручно ее закололъ. Дѣйствительно, по словамъ свидѣтелей, на кладбищѣ, среди труповъ, оказался трупъ заколотой молодой дѣвушки рѣдкой красоты. Такъ какъ весь персоналъ санитарнаго отряда д-ра Скорника, не исключая его самого, заболѣлъ тифомъ, то никто изъ этого отряда не успѣлъ эвакуироваться съ отходомъ петлюровцевъ. Онъ цѣликомъ попалъ въ руки большевистской власти и послѣ произведеннаго слѣдствія, уличенные были отправлены въ Одессу для суда надъ ними,

познакомился съ слѣдственнымъ матеріаломъ и долженъ указать, что д-ръ Скорникъ безусловно уличается какъ активный участникъ рѣзни. Установлено между прочимъ, что онъ морфинистъ, производилъ на всѣхъ впечатлѣніе и непріятное и странное. /см. показ. д-ра Ставинскаго, Пилата/ стр. 88-90/.

На слѣдующее утро отдѣльныя убійства евреевъ, какъ на улицѣ, такъ и въ домахъ продолжались. Евреи продолжали прятаться и очень немногіе изъ нихъ выходили на улицу. По словамъ свидѣтеля Паскиса /35-40/ онъ утромъ въ воскресенье, одѣвшись въ крестьянское платье пошелъ по Александровской улицѣ и подошелъ къ группѣ гайдамаковъ, бесѣдовавшихъ съ обывателями. Онъ слышалъ, какъ гайдамаки, говорили, что до двухъ часовъ будутъ убивать въ одиночку евреевъ, а съ двухъ часовъ повторять вчерашнюю рѣзнь.

Д-ръ Ставинскій въ качествѣ предсѣдателя городской думы выѣхавъ съ городскимъ головой и другими лицами, отправился къ коменданту съ просьбой прекратить рѣзнь. Туда же явился и свидѣтель Верхола, который особенно на этомъ настаивалъ. Тамъ же въ комендатурѣ было рѣшено созвать городскую думу, на засѣданіе которой обѣщали явиться Семосенко и Киверчукъ. Когда Верхола и Ставинскій отправились въ Думу, то по дорогѣ имъ пришлось быть свидѣтелями отдѣльныхъ случаевъ убійства и раненія евреевъ. Одинъ еврей былъ на ихъ глазахъ застрѣленъ у самой думы. Въ думу собралось очень много гласныхъ. Изъ евреевъ явился только одинъ Райгородскій. Другіе евреи должны были съ пути вернуться, такъ какъ на нихъ производились покушенія /см. показ. Маранца/.

Дума открыла свое засѣданіе сейчасъ же послѣ появленія Семосенко и Киверчука. Открывшій засѣданіе д-ръ Ставинскій обрисовалъ въ немногихъ словахъ создавшееся положеніе. Слово взялъ Семосенко и въ своей рѣчи онъ объяснилъ, что происшедшее было вызвано исключительно евреями, которые, будучи сплошь большевиками, замыслили вырѣзать гайдамаковъ и прочихъ казаковъ. Онъ и впредь будетъ такъ поступать, такъ какъ онъ считаетъ это своимъ долгомъ. Въ такомъ же духѣ высказался и Киверчукъ. Тогда слово взялъ Верхола. Считаю здѣсь необходимымъ

сказать нѣсколько словъ о личности Верхолы. Т.Ф.Верхола вышелъ изъ народа и образовался самоучкой. Онъ окончилъ художественное училище; учительствовалъ въ народныхъ школахъ, слушалъ лекціи въ университетѣ. По своимъ убѣжденіямъ онъ социаль-демократъ и украинецъ патриотъ. При первой Радѣ онъ избранъ былъ гласнымъ городской думы, а также предсѣдателемъ земской управы. Дважды онъ выполнялъ обязанности комиссара г. Проскурова. Когда произошелъ переворотъ въ пользу гетмана онъ, считая гетманскую власть реставраціонной, не счелъ возможнымъ лично продолжать общественную и административную работу. Онъ сложилъ съ себя все обязанности и ушелъ въ частную жизнь. Верхола былъ очень популяренъ среди населенія, а въ особенности среди евреевъ. Когда начались крестьянскія возстанія противъ гетмана, австрійскія власти арестовали Верхолу, обвиняя его въ организаціи этихъ возстаній. Онъ былъ увезенъ въ Тарнополь, гдѣ просидѣлъ два мѣсяца въ тюрьмѣ, а затѣмъ, когда его везли въ судъ, - ему удалось съ пути бѣжать, и онъ все время скрывался. Въ Проскуровѣ онъ вернулся лишь 13-го февраля, за два дня до рѣзни. Ему немедленно по возвращеніи предложено было взять обратно свое заявленіе о сложеніи гласнаго думы, на что онъ согласился. Когда же началась рѣзня, Верхола обрекъ себя на непрерывный трудъ, чтобы приостановить разыгравшіяся событія.

Взявъ слово послѣ Семосенко и Киверчука, онъ обратился къ Думѣ съ большой рѣчью, въ которой указалъ, что то, что произошло въ Проскуровѣ, является позоромъ для Украины. Говоря о бывшихъ заслугахъ казачества, онъ доказывалъ, что въ данномъ случаѣ Семосенко одѣлъ въ казацкое платье разбойниковъ, ставъ ихъ атаманомъ. Обращаясь къ Семосенко, онъ сказалъ: "Вы боритесь противъ большевиковъ, но развѣ тѣ старики и дѣти, которыхъ ваши гайдамаки рѣзали являются большевиками? Вы утверждаете, что только евреи даютъ большевиковъ. Развѣ Вы не знаете, что есть большевики и среди другихъ націй, а равно среди украинцевъ." Онъ убѣждаетъ Семосенко ради чести Украины, распорядиться о немедленномъ прекращеніи протсиходящихъ ужасовъ.

Послѣ Верхолы высказался въ краткихъ словахъ Райгородскій, который отъ имени евреевъ всецѣло присоединился къ его словамъ.

Семосенко возразилъ Верхолѣ въ тѣхъ же словахъ, въ которыхъ онъ высказался въ первой рѣчи. Онъ заявилъ, что борется не противъ стариковъ, женщинъ и дѣтей, а исключительно противъ большевиковъ. Глядя въ упоръ на Верхолу, онъ сказалъ, что онъ, дѣйствительно, не сомнѣвается, чтои среди украинцевъ къ несчастью есть большевики, но онъ и ихъ не пощадитъ. Онъ изъявляетъ согласіе отдать приказъ о прекращеніи того, что происходитъ, съ тѣмъ, чтобы трупы убитыхъ были безъ замедленія преданы ~~ихъ~~ землѣ. Онъ также считаетъ нужнымъ поставить на видъ городской думѣ, что та, зная о предстоящемъ большевистскомъ выступленіи, его объ этомъ не предупредила. Противъ этого упрека возражалъ д-ръ Ставинскій и гласные думы. Верхола снова взялъ слово, поблагодарилъ Семосенко за его готовность отдать приказъ о прекращеніи этихъ ужасовъ, но настаивалъ, чтобы онъ вернулъ казаковъ, посланныхъ въ Фельштинъ и другія мѣста для учиненія тамъ еврейской рѣзни.

На это Семосенко отвѣтилъ, что въ Фельштинѣ было такое же большевистское возстаніе, какъ и въ Проскуровѣ, и что оно должно имѣть тѣ же послѣдствія, что и здѣсь. Однако, послѣ долгихъ настояній, Семосенко изъявилъ согласіе отозвать посланныхъ казаковъ.

Въ томъ же засѣданіи Думы, въ присутствіи того же Семосенко и Киверчука было постановлено, что охрана города передается авіаціонному отряду, съ начальникомъ котораго, Верхола успѣлъ уже переговорить раньше. Самъ Верхола былъ избранъ завѣдующимъ этой охраной.

Не теряя времени, онъ отдалъ въ типографію для напечатанія слѣдующее объявленіе: "По приказу атамана и съ согласія его, выраженного въ Думѣ, рѣзня мирнаго населенія прекращена. Казаки отозваны изъ города. Охрана города возложена на авіаціонный отрядъ, и дума гарантируетъ жителямъ полное спокойствіе. Жизнь должна войти въ норму. Отданъ приказъ разстрѣливать всѣхъ пойманныхъ на мѣстѣ грабежа, а также казаковъ, которые появятся въ городъ послѣ 6 часовъ вечера".

Когда объявленіе было набрано, Верхола принесъ его оттискъ въ комендатуру для полученія разрѣшенія на расклейку его по городу. Но въ комендатурѣ онъ былъ арестованъ, такъ какъ Семосенко и Киверчукъ нашли, что онъ не имѣлъ права выпускать такое

объявленіе, которое къ тому же написано въ неумѣлыхъ выраженіяхъ. По распоряженію Семосенко Верхола долженъ былъ быть отправленъ на вокзалъ для суда надъ нимъ, что въ сущности означало - для разстрѣла. Но пришедшіе въ комендатуру городской голова Сикора и членъ украинскаго національнаго союза, узнавъ о происшедшемъ, объяснили Семосенко и Киверчуку, что такая расправа съ Верхола вызоветъ жестокую месть многихъ украинскихъ организацій, его хорошо знающихъ. Въ результатѣ Семосенко распорядился, чтобы надъ Верхолой было произведено слѣдствіе, и онъ тутъ же былъ освобожденъ. Взамѣнъ объявленія, которое предполагалъ выпустить Верхола, Семосенко издалъ приказъ, въ которомъ объявилъ Проскуровъ и уѣздъ на военномъ положеніи и запретилъ всякое движеніе на улицѣ послѣ 7 часовъ вечера.

Въ этомъ наказѣ онъ, между прочимъ, пишетъ: "Предупреждаю населеніе, чтобы оно прекратило свои анархическія выступленія, такъ какъ у меня достаточно силъ для борьбы съ ними. На это я больше всего указываю жидамъ. Знайте, что вы народъ, всѣми націями нелюбимый, а вы производите такой безпорядокъ между крещенымъ людомъ. Неужели Вамъ не хочется жить? Неужели вамъ не жалко своей націи? Васъ, если не трогаютъ, то и сидите смирно, а то такая несчастная нація, да еще бунтуетъ бѣдный народъ." Въ дальнѣйшемъ въ томъ же наказѣ Семосенко требуетъ, чтобы всѣ склады, магазины, лавки начали немедленно функціонировать. Онъ также приказываетъ въ трехдневный срокъ переписать всѣ вывѣски по украински. "Чтобы я ни одной московской вывѣски не видѣлъ". Вывѣски должны быть написаны литературно, заклепка буквъ строго воспрещается. Виновникъ въ этомъ будетъ предаваться военному суду."

Въ тотъ же день былъ выпущенъ и другой наказъ, въ которомъ Семосенко пишетъ, что въ ночь съ 14 на 15 февраля какіе то неизвѣстные безсовѣстные, нечестные люди подняли возстаніе противъ существующей власти. Люди эти, по имѣющимъ свѣдѣніямъ, принадлежатъ къ еврейской націи и хотѣли забрать въ свои руки власть, чтобы произвести путаницу въ государственномъ аппаратѣ и повести столь много перестрадавшую Украину къ анархіи и безпорядку.

Были приняты самыя рѣшительныя мѣры, чтобы возстаніе было подавлено. Возможно, что между жертвами есть много невинныхъ, такъ какъ ничто не можетъ быть безъ ошибокъ. Но кровь ихъ должна пасть проклятіемъ на тѣхъ, которые проявили себя провокаторами и аватюристами.

На слѣдующій день былъ изданъ новый наказъ, въ которомъ Семосенко пишетъ, что печальный фактъ показалъ, что въ часъ возстанія большевиковъ 14-15 февраля мѣстный гарнизонъ поддерживалъ большевиковъ, что солдаты этого гарнизона явно перешли на сторону большевиковъ. Поэтому онъ объявляетъ 15 Бѣлгородскій и 8 Подольскій полки расформированными. Для принятія отъ нихъ имущества и документовъ онъ назначаетъ представителей 3 гайдамацкаго полка и комиссію запорожской бригады. /Всѣ эти указы приобщены см. т.3/.

Какъ видно изъ показанія Верхола, а равно и другихъ свидѣтелей убійства продолжались въ теченіе трехъ дней. Однако, послѣ засѣданія городской думы массовая рѣзня была прекращена. Но въпродолженіе всего дня въ воскресенье, а равно и въ понедѣльникъ были многочисленные случаи отдѣльныхъ убійствъ евреевъ какъ въ домахъ такъ и на улицахъ. Происходили также избіенія евреевъ въ окрестныхъ деревняхъ, куда проникали гайдамаки по собственному усмотрѣнію или по приглашенію крестьянъ. Евреи метались во всѣ стороны, ища выхода изъ положенія. Больше всего они возлагали свои надежды на Верхолу.

Такъ какъ комиссаръ Тарановичъ давно уже тяготился своими обязанностями и просилъ объ отставкѣ, которая ему не давалась за отсутствіемъ подходящаго замѣстителя, то общественные дѣятели, главнымъ образомъ, евреи просили Верхолу принять на себя обязанности комиссара. Послѣдній согласился, и онъ вмѣстѣ съ Тарановичемъ по прямому проводу вызвали губернскаго комиссара, который хорошо зналъ Верхолу по прежней его службѣ и охотно согласился замѣнить имъ Тарановича. Тутъ же было передано телеграфное распоряженіе о назначеніи Верхолы комиссаромъ, что между прочимъ, было крайне непріятно Семосенко и Киверчуку.

Послѣ своего вступленія во власть Верхола выпустилъ два воззванія, въ которыхъ указывалъ, что всякій призывъ къ націо-

нальной враждѣ, а особенно къ погромамъ ложится позоромъ на Украинку и является препятствіемъ для ея возрожденія. Подобные призывы были всегда орудіемъ для реакціонеровъ. Всякое проявленіе со стороны сильнѣйшей націи насилія надъ слабѣйшимъ доказываетъ, что та нація не можетъ воспринять тѣхъ формъ, которыя основаны на равенствѣ и братствѣ. Такіе приемы только на руку врагамъ Украины и онъ выражаетъ надежду, что населеніе не поддастся на такую провокацію. Онъ требуетъ всѣхъ ~~хих~~ агитаторовъ, призывающихъ къ погрому задерживать для преданія военно-полевому суду. Въ другомъ воззваніи онъ требуетъ, чтобы всѣ награбленные вещи были возвращены въ комиссаріатъ для возвращенія ихъ по принадлежности.

Какъ уже было упомянуто, въ воскресенье предполагалось повторить субботнюю рѣзню. З гайдамака, явившіеся въ воскресенье утромъ въ городскую управу, между прочимъ, заявили въ присутствіи 18 Верховы, что имъ предоставлено рѣзать евреевъ въ теченіе трехъ дней. Но послѣ воскреснаго засѣданія Городской Думы Семосенко дѣйствительно распорядился о прекращеніи рѣзни и въ массовомъ масштабѣ она больше не повторилась. Но убійства отдѣльныхъ евреевъ, какъ уже указано повторялись въ воскресенье и понедѣльникъ. Эти убійства были многочисленны.

По распоряженію Семосенки жертвы субботней рѣзни должны были быть погребены въ понедѣльникъ. Такимъ образомъ трупы оставались въ домахъ и валялись на улицахъ съ субботы до понедѣльника. Много труповъ было изгрызано свиньями.

Въ понедѣльникъ съ утра многочисленныя крестьянскія подводы съ наваленными на нихъ трупами, направились къ еврейскому кладбищу. Трупы привозились въ теченіе всего дня и заполнили собою все кладбище. По словамъ свидѣтеля Финкеля /стр. I-4/ онъ самъ будучи на кладбищѣ, насчиталъ свыше тысячи труповъ. Нанятые крестьяне копали на кладбищѣ огромныхъ размѣровъ яму, которая должна была стать братской могилой для жертвъ рѣзни. На кладбищѣ, по словамъ того же Финкеля, появились мародеры, которые подъ разными предлогами подходили къ трупамъ, ощупывали ихъ и грабили. Явились также родственники убитыхъ, разыскивали ихъ трупы и вынимали изъ кармановъ цѣнности, во многихъ случаяхъ весьма значительныя. Но очень много труповъ оказалось уже ограбленными раньше

находили женщинъ съ отрѣзанными на рукахъ пальцами, на которыхъ, очевидно, были кольца.

Похоронами распоряжался надзиратель Добровольскій, которому было приказано, чтобы къ ночи ни одного трупа непогребеннымъ не осталось. Однако, похоронить всё трупы удалось лишь въ 4 часа утра во вторникъ. Надо добавить, что, кромѣ общей братской могилы, были выкопаны еще 4 могилы поменьше, въ которыхъ также похоронено много труповъ. Нѣкоторые удалось похоронить своихъ родственниковъ въ отдѣльныхъ могилахъ. Какъ уже указано, отдѣльные убійства евреевъ продолжались и въ послѣдующіе дни, какъ въ Проскуровѣ, такъ и окрестностяхъ. Много людей было убито по дорогѣ къ ближайшимъ мѣстечкамъ, въ полѣ и въ лѣсу; убивались также евреи въ ближайшихъ селахъ и деревняхъ.

Кромѣ тѣхъ евреевъ, которыхъ убивала разнузданная гайдамацкая чернь, сами власти многихъ евреевъ арестовывали подъ предлогомъ, что они большевики, а затѣмъ разстрѣливали. Въ этомъ отношеніи особенно проявилъ себя помощникъ Киверчука — Ковалевскій, сынъ мѣстнаго домовладѣльца, крайне испорченный и жестокий молодой человѣкъ /см. показ. Сары Гольманъ, стр. 13-15/. —

Весьма интересно въ этомъ отношеніи показаніе свидѣтеля Цацкиса, который вмѣстѣ съ другими 10 лицами былъ поставленъ къ разстрѣлу, но спасся какимъ то чудомъ. Этотъ Цацкисъ, о которомъ уже упоминалось, въ воскресенье утромъ, одѣтый въ крестьянское платье, подслушалъ заявленіе гайдамаковъ, обращенное къ толпѣ христіанъ о томъ, что съ двухъ часовъ они повторяютъ вчерашнюю рѣзню. Услыхавъ эти слова, онъ отправился въ домъ своихъ родителей, жившихъ на Александровской улицѣ возлѣ комендатуры, чтобы предупредить ихъ о предстоящей опасности. Въ домѣ, кромѣ своихъ родителей и сестеръ, онъ засталъ своего меньшого брата, еще двоюроднаго брата и одного дальняго родственника. Изъ окна они вскоре увидѣли, какъ къ дому приближаются пять гайдамаковъ съ помощникомъ Ковалевскимъ. Этотъ Ковалевскій былъ хорошо знакомъ съ его малѣйшимъ братомъ и далъ ему даже разрѣшеніе на право ношенія револьвера. Старика отца и бывшихъ въ домѣ женщинъ они наскоро спрятали на чердакъ. Сами же открыли двери гайдамакамъ. Вошедшій Ковалевскій заявилъ, что пришелъ искать въ домѣ тайный

аппаратъ и оружіе. Братъ ему замѣтилъ, что аппарата въ домѣ нѣтъ, и что у него имѣется револьверъ съ разрѣшенія того же Ковалевскаго. Этотъ револьверъ, а равно и разрѣшеніе, онъ тутъ же ему передалъ. Ковалевскій сдѣлалъ видъ, что ищетъ подъ кроватями аппаратъ, а затѣмъ приказалъ имъ воѣмъ слѣдовать за собой. На указаніе, что они не могутъ оставить домъ и что необходимо кому нибудь остаться послѣ долгихъ просьбъ онъ согласился оставить въ домѣ ихъ дальняго родственника. Два гайдамака также остались въ квартирѣ, а трое отвели ихъ въ комендатуру и помѣстили въ камеру, гдѣ уже было много арестованныхъ, какъ евреевъ, такъ и христіанъ, заподозрѣнныхъ въ большевизмѣ. Въ продолженіе всего дня туда прибывало много новыхъ арестованныхъ, наконецъ, туда привели и его отца. Оказалось, что оставшіеся въ домѣ два гайдамака, забрались на чердакъ и арестовали тамъ отца. Къ вечеру оказалось въ этой камерѣ 32 христіанъ и 15 евреевъ. Надъ арестованными всячески издѣвались, но особенно жестокимъ издѣвательствомъ подвергался одинъ полякъ, бывшій помѣщикъ. Его всего время избивали шомполами и подвергали другимъ изтязаніямъ. Стали вызывать отдѣльныхъ лицъ къ допросу, вызвали также его брата. Допрашивалъ тотъ же Ковалевскій. Но это былъ не настоящій допросъ, а лишь одна его видимость, такъ какъ вопросы предлагались самыя серьезныя. На слѣдующій день, около 5 часовъ вечера воѣхъ арестованныхъ вывели на улицу и построили въ шеренгу, отдѣльно христіанъ, отдѣльно евреевъ. Къ группѣ евреевъ подошелъ одинъ здоровенный гайдамакъ и торжествующе сказалъ: "Ну, жида, больше къ намъ не вернетесь, воѣхъ васъ отправимъ въ земельный комитетъ", что на языкѣ гайдамаковъ означало "отправить на тотъ свѣтъ". Воѣхъ арестованныхъ повели къ вокзалу, а по дорогѣ продолжали надъ ними издѣваться, особенно надъ тѣмъ же полякомъ. На вокзалѣ ихъ воѣхъ помѣстили въ отдѣльный вагонъ. Вечеромъ начали поочередно вызывать христіанъ. Ихъ оказывается, вызывали въ сосѣдній вагонъ, гдѣ три подвыпившихъ казака о чемъ то ихъ спрашивали, а затѣмъ переводили въ третій вагонъ. Прошло нѣкоторое время и изъ вагона вывели пять евреевъ, въ томъ числѣ и брата Цацкиса. Когда въ продолженіе часа, они обратно не вернулись и о нихъ никакихъ свѣдѣній не поступило, то оставшіеся евреи поняли, что ихъ повели къ разстрѣлу. Какъ указано, христіанъ послѣ допроса помѣстили въ третій вагонъ, только одного изъ нихъ вернули въ тотъ вагонъ, гдѣ остались евреи. Часовъ около 10 вечера воѣхъ ихъ, т.е. 10 евреевъ и одного русскаго вывели

изъ вагона на полотно желѣзной дороги. Евреевъ отвели въ сторону и первымъ дѣломъ обыскали и забрали деньги. Затѣмъ всѣхъ поставили въ два ряда и повели къ откосу рѣки на разстояніе 4 версты отъ мѣста, гдѣ стояли вагоны. Было ясно, что ихъ ведутъ на разстрѣлъ. По дорогѣ шедшій съ нимъ рядомъ гайдамакъ ощущалъ его тулупъ. Онъ замѣтилъ "что смотришь, хорошая ли тебѣ шкура послѣ меня достанется". На это гайдамакъ, пригрозивъ ему прикладомъ, крикнулъ: "молчи, жидюга, а то набью тебя прикладомъ". Шедшій впереди его отецъ, услыжавъ эти пререканія, обратился къ нему по еврейски съ просьбой не спорить, дабы они надъ нимъ передъ смертью не издѣвались. Всѣхъ, наконецъ, привели къ откосу, и велѣли снять съ себя платье и сапоги. Они все остались въ одномъ бѣльѣ. Онъ просилъ разрѣшенія проститься съ отцомъ. Ему разрѣшили. Онъ подошелъ къ отцу и, взявъ его за руку, вмѣстѣ съ нимъ сталъ выкрикивать слова предсмертной молитвы, упоминая въ ней имена своихъ дѣтей. Затѣмъ всѣхъ поставили въ одну шеренгу лицомъ къ рѣкѣ, а позади ихъ раздалась команда и были даны три залпа. Всѣ упали, въ томъ числѣ и онъ самъ. Раздались стоны и крики раненыхъ. Гайдамаки подбѣжали и стали приканчивать стонавшихъ. Особенно имъ долго пришлось возиться съ русскимъ, который упорно боролся со смертью. Наконецъ, все стихло. Казаки ушли. Цацкисъ началъ себя ощупывать, и удивился, что онъ не только живъ, но и не раненъ. Убѣдившись, что никого вблизи нѣтъ, онъ бросился стремглавъ бѣжать по направленію къ ближайшей деревнѣ. Въ одномъ мѣстѣ, проходя по рѣкѣ, онъ провалился подъ ледъ и очутился по колѣни въ водѣ. Но ни усталости, ни холода онъ не ощущалъ. Наконецъ, добрался до деревни и пришелъ въ домъ знакомаго крестьянина, разбудилъ его и рассказалъ о случившемся. Крестьянинъ плакалъ, слушая его рассказъ, но совѣтовалъ ему у него не оставаться, въ виду близости города. Онъ далъ ему платье и сапоги, и тотъ направился въ слѣдующую деревню, а оттуда благополучно добрался до м. Меджибожъ. Были и другіе случаи чудеснаго спасенія отъ нависшей смерти. Въ этомъ отношеніи весьма интересенъ рассказъ молодого человѣка Гальперина /стр. 31-34/, который 4 раза былъ поставленъ лицомъ къ лицу смерти, но каждый разъ спасался. Онъ былъ ученикомъ коммерческаго училища, а передъ погромомъ состоялъ въ квартальной охранѣ. Одѣтъ онъ былъ въ солдатскую шинель и шапку. Въ субботу послѣ обѣда, когда на улицѣ уже

валялись трупы зарѣзанныхъ людей, онъ отправился къ своему дому, находящемуся въ концѣ города, по направленію къ деревнѣ Зарѣчье. Недалеко отъ своего дома онъ встрѣтилъ толпу гайдамаковъ, и одинъ изъ нихъ его остановилъ и спросилъ жидъ ли онъ или русскій. Онъ отвѣтилъ, что онъ русскій. Тотъ потребовалъ документъ, и онъ ему показалъ ученическій билетъ коммерческаго училища, въ которомъ вѣроисповѣданіе обозначено не было. Казакъ повертѣлъ документъ, отнесся къ нему нѣсколько подозрительно, но потомъ сказалъ, "ну, иди". Когда затѣмъ на Гальперина бросились другіе казаки, первый имъ крикнулъ "пустите, это русскій". Гальперинъ пошелъ къ своему дому, который оказался запертымъ и съ выбитыми окнами. Онъ не рѣшался зайти въ домъ. Впослѣдствіе только онъ узналъ, что его родные спрятались и не пострадали. За то жившій въ томъ же домѣ богатый еврей Блехманъ оказался со всей своей семьей, состоящей изъ 6 человекъ, зарѣзаннымъ и ограбленнымъ. Гальперинъ отправился въ ближайшую деревню Зарѣчье и зашелъ къ своему знакомому еврею Розенфельду. Около 9 часовъ вечера начали ломиться въ дверь и въ домъ ворвались крестьянскіе парни, которые набросились на старика Розенфельда и убили его. Самъ онъ вмѣстѣ съ сыномъ Розенфельдомъ бросились бѣжать по направленію къ лѣсу. Не будучи въ состояніи долго бѣжать, онъ остановился. Парни его окружили и выстрѣлили въ него, но убѣдившись, что онъ не раненъ, они рѣшили отвезти его въ городъ и отдать въ руки гайдамаковъ. Какъ разъ въ это время изъ города явился одинъ крестьянинъ и сталъ рассказывать о томъ, что тамъ происходитъ. Парни остановились, чтобы послушать пришедшаго, и Гальперину удалось въ это время скрыться. Отъ тогда пошелъ по направленію къ деревнѣ Гриновцы. Въ этой деревнѣ жили его знакомые евреи Бухеры, но такъ какъ было уже очень поздно, онъ не рѣшился пойти къ нимъ въ домъ и остался въ полѣ. На слѣдующій день онъ пошелъ въ домъ, но тамъ стало извѣстно, что крестьяне собираются на сходъ для обсужденія вопроса, какъ поступить съ евреями, живущими на деревнѣ. Онъ тогда ушелъ обратно въ городъ, но такъ какъ тамъ было неспокойно и своихъ родныхъ онъ не нашелъ, то опять вернулся въ деревню. Онъ переночевалъ въ деревнѣ, а утромъ въ понедѣльникъ туда явились три гайдамака и начали искать евреевъ. Тогда онъ съ двумя молодыми людьми и одной дѣвушкой побѣжали въ лѣсъ,

чтобы тамъ спрятаться. Однако, пробывъ нѣкоторое время въ лѣсу, они рѣшили, что будетъ болѣе безопасно, если они отправятся въ городъ, и они пошли по направленію къ Проскурову. По дорогѣ они встрѣтили трехъ крестьянскихъ парней, возвращавшихся изъ города въ деревню. Одинъ изъ нихъ былъ съ винтовкою. Парни ихъ остановили и, осмотрѣвъ ихъ документы, сказали: "намъ такихъ не нужно", и повернули ихъ обратно въ деревню. Онъ самъ съ крестьяниномъ, который былъ съ ружьемъ, сѣлъ на дровни; два другихъ парня и двое молодыхъ людей съ барышней пошли пѣшкомъ. Тутъ имъ встрѣтились тѣ трое гайдамаковъ, которые раньше приходили въ деревню, а теперь возвращались въ городъ. Гайдамаки ихъ остановили. Парень съ винтовкой въ рукахъ сошелъ съ дровенъ и объяснилъ гайдамакамъ, что онъ везетъ обратно въ деревню захваченныхъ евреевъ. Тогда гайдамаки выхватили шашки и начали рубить шедшихъ пѣшкомъ молодыхъ людей, въ томъ числѣ и дѣвушку. Всѣ трое оказались убитыми. Увидѣвъ это, Гальперинъ, оставаясь на дровняхъ, погналъ лошадь и она понесла его по направленію къ деревнѣ. Одинъ изъ гайдамаковъ бросился за нимъ бѣжать, но не могъ его догнать. Отѣхавъ на значительное разстояніе, Гальперинъ сошелъ съ дровенъ, побѣжалъ въ поле и распростерся на снѣгу. Былъ туманъ и его нелегко было замѣтить. Однако, черезъ нѣкоторое время около него оказались крестьянскіе подростки, которые рѣшили передать его, какъ еврея, гражданскимъ властямъ. Они привели его въ деревню Гриновцы, стащивъ съ него по дорогѣ браслетные часы. Въ Гриновцахъ же, гдѣ проживали Бухеры, всѣ евреи оказались арестованными и его присоединили къ нимъ.

Относительно деревни Гриновцы надо отмѣтить, слѣдующее. Въ этой деревнѣ проживало около 40 евреевъ, считая въ томъ числѣ и дѣтей. Всѣ они носили фамилію Бухеръ и представляли собою потомство нѣкоего Бухера, издавна поселившагося въ этой деревнѣ. Между Бухерами и мѣстными крестьянами всегда были добрососѣдскія отношенія. Тѣмъ не менѣе, когда вѣсть о проскуровской рѣзнѣ дошла до деревни, то молодые крестьяне рѣшили раздѣлаться со своими евреями. Нѣкоторые изъ нихъ отправились въ Проскуровъ и оттуда привели тѣхъ трехъ гайдамаковъ, о которыхъ уже упомянуто. Узнавъ объ этомъ, всѣ евреи попрятались, но крестьяне разыскали ихъ, въ числѣ 33 человекъ, и вмѣстѣ съ гайдамака-

ми ихъ окружили. Былъ поднятъ вопросъ, раздѣлаться ли съ ними здѣсь или гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Гайдамаки прежде всего обыскали всѣхъ евреевъ забрали у нихъ всѣ деньги и цѣнности, въ общемъ на сумму свыше 30 тысячъ рублей. Затѣмъ гайдамаки предложили ихъ всѣхъ тутъ же перерѣзать. Но старики крестьяне заявили гайдамакамъ, что они сами расправятся со своими жидами, но не здѣсь въ деревнѣ, а гдѣ нибудь за селомъ. Евреевъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми посадили на дровни и повезли по направленію къ Проскурову. По пути молодые крестьяне хотѣли съ ними расправиться, но старые крестьяне настояли на томъ, чтобы передать ихъ въ руки властей, которые сами учинять расправу. Ихъ привели въ проскуровскую комендатуру, а оттуда препроводили къ станціонному коменданту на вокзалъ. Тотъ въ свою очередь, препроводилъ ихъ въ штабъ военно-полевого суда, но оттуда ихъ обратно вернули въ комендатуру, а оттуда въ камеру для арестованныхъ. Такъ какъ воля къ рѣзни въ Проскуровѣ уже въ значительной мѣрѣ ослабла, то всѣхъ ихъ рѣшено было на слѣдующее утро освободить. Но будучи освобождены, они уже больше въ свои дома въ Гриновцахъ не вернулись /показ. Бухеровъ, стр. 5/. Что же касается Гальперина, то онъ во время всѣхъ этихъ переходовъ успѣлъ скрыться.

О случаѣ чудеснаго избавленія разсказываетъ также свидетель Маранцъ. Въ воскресенье 15 февраля онъ, какъ гласный думы, направился въ думу, чтобы присутствовать на памятномъ засѣданіи, гдѣ выступали Семосенко и Киверчукъ. По дорогѣ онъ встрѣтилъ гласнаго Тера и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ. Въ это время они замѣтили, что за ними на извозчикѣ гонится гайдамацкій офицеръ, Порывнявшійся съ ними, онъ соскочилъ съ извозчика, выхватилъ пашку и бросился на нихъ. Еще моментъ и посыпались бы удары пашкой. Въ эту минуту съ противоположнаго тротуара кто то по имени окликнулъ офицера. Тотъ обернулся въ противоположную сторону, а Маранцъ и Штеръ успѣли скрыться въ ближайшій домъ, и, такимъ образомъ, спаслись.

Долженъ указать, что въ городѣ наступило со среды 19-го февраля относительное спокойствіе. Само собой разумѣется, что еврейскіе магазины не открывались, такъ какъ евреямъ было не до того. Семосенко же издалъ приказъ о томъ, чтобы магазины были немедленно открыты.

22-го февраля Семосенко выпустилъ наказъ о томъ, что по имѣющимъ у него свѣдѣнiямъ, въ Проскуровѣ находится много большевистскихъ агитаторовъ, а потому онъ требуетъ отъ населенiя, чтобы сегодня же до 8 часовъ вечера всѣ эти агитаторы большевики были сданы властямъ. Въ противномъ случаѣ имъ будутъ приняты самыя рѣшительныя мѣры. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вновь требуетъ, чтобы всѣ магазины были немедленно открыты подѣ страхомъ штрафа въ 6 тысячъ рублей съ каждаго торговца.

Евреи въ этомъ наказѣ увидѣли новую придирку и новую угрозу. Чтобы задобрить Семосенко, они собрали между собой триста тысячъ рублей и черезъ городское самоуправленiе рѣшили передать ихъ для нуждъ гарнизона. Передачу этой суммы взялъ на себя городской голова Сикора, который такъ неудачно повелъ дѣло, что Семосенко, получивъ означенную сумму, и зная, что она собрана исключительно евреями, счелъ, однако, возможнымъ выпустить наказъ, въ которомъ писалъ, что имъ получено 300 тысячъ руб., не отъ евреевъ, а отъ всего населенiя Проскурова, которое онъ благодаритъ за то, что оно надлежащимъ образомъ оцѣниваетъ труды его казаковъ. Центральнымъ же властямъ онъ сообщилъ, что жители Проскурова въ благодарность за введенiе порядка въ городѣ и освобожденiе его отъ большевиковъ внесли ему для нуждъ гарнизона 300 тысячъ рублей.

27-го февраля Семосенко выпустилъ наказъ, который начинается словами: "Жиды, до меня дошли свѣдѣнiя, что вы вчера хотѣли устроить собранiе на Александровской улицѣ для захвата власти и что черезъ 4 дня вы готовитесь устроить такое же возстанiе, которое было 14-15 февраля. Затѣмъ слѣдуютъ соответствующiя угрозы /см. Т. III/.

Этимъ наказомъ евреи были окончательно ошеломлены, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что никакого собранiя не предполагалось, и что евреи меньше всего думали о захватѣ власти. Они замѣтались и первымъ дѣломъ обратились къ комиссару Верхолѣ. Верхола же имѣлъ въ своихъ рукахъ нѣкоторые данные, свидѣтельствующiя о томъ, что кто то въ Проскуровѣ распространяетъ провокацiонныя слухи въ своекорыстныхъ интересахъ. [Надо замѣтить,

что изъ Каменца въ Проскуровъ была командирована комиссія для разслѣдованія бывшаго погрома. Но Семосенко, какъ показываетъ Верховла, своей властью комиссію расформировалъ и назначилъ новую комиссію для разслѣдованія большевистскаго выступленія. Однимъ изъ наиболее дѣятельныхъ членовъ этой комиссіи оказался гайдамакъ Рохманенко, настоящая фамилія котораго была Рохманъ. Этотъ Рохманъ, будучи евреемъ, поступилъ, по его собственнымъ словамъ, въ гайдамаки, добровольцемъ. Онъ выдавалъ себя за бывшаго студента и за сына богатаго кожевеннаго заводчика изъ Кіева, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, онъ былъ человекъ мало интеллигентный, нуждающійся и жившій раньше на средства, которыя онъ добывалъ уроками по еврейскому языку. Этотъ Рохманъ втерся въ довѣріе къ Семосенко, былъ назначенъ въ слѣдственную комиссію, а въ качествѣ члена комиссіи получилъ возможность по своему усмотрѣнію арестовывать людей и привлекать къ отвѣтственности. Онъ арестовывалъ преимущественно сыновей богатыхъ родителей и черезъ другого еврея Прозера, у котораго онъ проживалъ на квартирѣ, получалъ за нихъ выкупъ /см. показ. Штера, стр. 7-9/.

Верхолъ удалось выяснить, что не только Рохманенко занимается шантажемъ и вымогательствомъ, но что взятки берутъ и другіе члены комиссіи. Обо всемъ этомъ онъ сдѣлалъ подробный докладъ Семосенко и настаивалъ, чтобы тотъ предоставилъ ему право арестовывать ихъ всѣхъ. Но Семосенко послѣ долгихъ колебаній, далъ согласие на арестъ Рохманенко, но наотрѣзъ отказался дать разрѣшеніе на арестъ другихъ.

Верхола произвелъ обыскъ у Рохманенко, отобралъ у него 13 тысячъ рублей наличными деньгами, арестовалъ его и на допросѣ принудилъ сознаться въ шантажахъ и вымогательствахъ. При этомъ Рохманенко объяснилъ, что получавшіяся имъ взятки онъ большею частью передавалъ начальнику штаба Семосенко - Гаращенко. Верховла произведенное имъ дознаніе передалъ Семосенко, а самого Рохманенко передалъ въ руки судебного слѣдователя. Несмотря на неоднократныя напоминанія Верховлы, слѣдственное производство велось крайне вяло, а затѣмъ оно куда то исчезло. На просьбы, обращенія къ Семосенко, вернуть хотя бы акты дознанія по дѣлу, послѣдніе возвращены не были. Самъ Рохманенко, будучи въ тюрьмѣ, хвасталъ, что

никто не посмѣлъ его предать суду, что онъ скоро будетъ свободенъ и тогда жестоко отомститъ своимъ врагамъ. Когда началась эвакуація петлюровцевъ изъ Проскурова, рѣшено было перевести Рохманенко изъ общей тюрьмы въ другое мѣсто, такъ какъ опасались, что его друзья его освободятъ и увезутъ. Во время перевода изъ тюрьмы кто то изъ личной мести его застрѣлилъ. Такъ окончилъ свои дни этотъ авантюристъ и отщепенецъ, который, между прочимъ, хвасталъ, что принималъ активное участіе въ еврейской рѣзни.

Само собою разумѣется, что наказъ Семосенко отъ 27-го февраля былъ изданъ подъ вліяніемъ провокаціонной дѣятельности Рохманъ-Рохманенко и другихъ членовъ пресловутой слѣдственной комиссіи, которымъ нужно было въ свое-корыстныхъ интересахъ сѣять панику и тревогу среди евреевъ. Дѣйствительно, евреи не выходили изъ состоянія паническаго страха. Вмѣстѣ съ комиссаромъ Верхолой они обсуждали всѣ мѣры, которыя могли бы быть приняты для того, чтобы избавиться отъ Семосенко. Наконецъ, [Верхола обратился къ предсѣдателю украинскаго національнаго союза - Мудрому - который состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ непосредственнымъ начальникомъ Семосенки - корпуснымъ командиромъ Коновальцемъ и просилъ помочь ему оказать вліяніе на Коновальца въ томъ смыслѣ, чтобы Семосенко былъ переведенъ въ другое мѣсто, такъ какъ при немъ немыслимо успокоеніе проскуровскаго населенія.] Верхола также заручился въ этомъ отношеніи содѣйствіемъ Киверчука, который тяготился тѣмъ, что вся власть находится въ рукахъ Семосенко, которому онъ несомнѣнно завидовалъ. Кромѣ того, Киверчукъ считалъ, что Семосенко, вырѣзавъ огромную часть еврейскаго населенія, сдѣлалъ свое дѣло и, что больше въ немъ нѣтъ нужды. [Вмѣстѣ съ Мудрымъ Верхола отправился въ ставку Коновальца и тамъ добился отъ него приказа о сложеніи Семосенко обязанностей начальника гарнизона и о возвращеніи его на фронтъ. Въ свою очередь Киверчукъ былъ также вскорѣ устраненъ отъ исполненія обязанностей коменданта г. Проскурова и остался лишь комендантъ проскуровскаго уѣзда. Однако Семосенко медлил сложеніемъ своихъ обязанностей.] Онъ предпринималъ шаги, чтобы остаться въ Проскуровѣ и съ своей стороны интриговалъ противъ Киверчука. [Ему, повидимому, было особенно непріятно то нравст-

венное удовлетвореніе, которое дать евреямъ его уходъ. Но когда онъ убѣдился, что этотъ уходъ неизбеженъ, онъ воспользовался тѣмъ, что страдалъ осложненной венерической болѣзью, созвалъ консилиумъ врачей и черезъ своего адъютанта убѣдилъ ихъ въ томъ, чтобы они дали заключеніе въ томъ смыслѣ, что ему, въ интересахъ его здоровья, необходимо временно совершенно уйти отъ дѣлъ и эвакуироваться въ какой нибудь лазаретъ подальше отъ Проскурова /см. показ. д-ра Салитренника, 41-43/. Съ большой помпой въ сопровожденіи санитаровъ и сестры милосердія Семосенко, наконецъ, покинулъ Проскуровъ.]

Этотъ Семосенко, залившій еврейскою кровью дома и улицы Проскурова былъ, по описанію свидѣтелей, тщедушнымъ молодымъ человѣкомъ 22-23 лѣтъ, начавшимъ свою службу вольноопредѣляющимся еще въ царское время. Съ дѣланной серьезностью на лицѣ онъ на всѣхъ производилъ впечатлѣніе человѣка полуинтеллигентнаго, нервнаго и неуравновѣшеннаго. Судя по нѣкоторымъ его резолюціямъ на докладахъ, которые я видѣлъ, надо признать, что онъ въ то же время былъ человѣкъ большой сообразительности и крайне рѣшительный. По приблизительному моему подсчету въ Проскуровѣ и въ его окрестностяхъ было всего убито свыше 1200 человѣкъ. Кроме того, изъ числа 600 съ лишнимъ раненыхъ - умерло свыше 300 человѣкъ.

Припоминая, что въ первомъ своемъ наказѣ Семосенко грозилъ разстрѣломъ на мѣстѣ всякому, кто будетъ призывать къ погрому и что этотъ наказъ не былъ опубликованъ, благодаря Киверчуку, который тогда вообще препятствовалъ переходу власти къ Семосенко; припоминая также, что эту власть Киверчукъ охотно предоставилъ ему, Семосенко, когда онъ выразилъ готовность вырѣзать еврейское населеніе - я прихожу къ выводу, что Семосенко былъ, главнымъ образомъ, физическимъ исполнителемъ тѣхъ кровавыхъ ужасовъ, которые разыгрались въ Проскуровѣ. Главнымъ же вдохновителемъ проскуровской кровавой эпопеи является съ моей точки зрѣнія, полковникъ Киверчукъ - этотъ старый царскій служака, несомнѣнный погромщикъ и черносотенникъ....

За Проскуровымъ остается та печальная заслуга, что имъ устанавливается новая фаза въ погромной техникѣ. Предшествующіе погромы имѣли своей главной цѣлью грабежи, т.е. расхищеніе еврейскаго имущества; за грабежами слѣдовали убійства, но они все же были на второмъ планѣ. На грабежи казаки смотрѣли, какъ на справедливую награду за свою вѣрную службу, а въ убійствахъ мирныхъ и безоружныхъ людей они видѣли проявленіе своей доблести и личной удали. Начиная съ Проскурова основной цѣлью погромовъ на Украинѣ является сплошное вырѣзываніе еврейскаго населенія. Грабежи также широко практикуются, но отходятъ на второй планъ. Въ Проскуровѣ повторилась Уманская рѣзня временъ Гонты. Разница лишь въ томъ, что въ Умани при Гонтѣ рѣзали поляковъ и евреевъ. Въ Проскуровѣ же рѣзали однихъ евреевъ при строгомъ нейтралитетѣ со стороны поляковъ и прочихъ христіанъ.....

ПРОСКУРОВСКИЙ ПОГРОМЪ.

ПРОТОКОЛЫ.

ТОМЪ I.

ПОКАЗАНИЯ СВИДѢТЕЛЕЙ ПО ДѢЛУ О ПОГРОМѢ ВЪ ПРОСКУРОВѢ.

✓ 1. ФИНКЕЛЪ, Сруль Шулимовичъ	стр. I - 3.
2. БУХЕРЪ: Шлема Лейбовичъ, Дувидъ Лейбовичъ и Иосифъ Шлемовичъ	" 3 - 4
3. БУХЕРЪ, Давидъ Лейбовичъ (дополнительн. показ.)	" 4.
✓ 4. ШТЕРЪ, Мендель Овшевичъ	" 4 - 6
✓ 5. ВАСЕРМАНЪ, Симха Обрамовичъ	" 6 - 7
6. ГЕЛЬМАНЪ, Сарра Моисеевна	" 7 - 9
7. МАРАНЦЪ, Янкель Вигдоровичъ	" 9 - II
✓ 8. ШЕНКМАНЪ, Левъ Моисеевичъ	" II - 14
9. ГРИНФЕЛЬДЪ, Мина Моисеевна	" 14 - 15
10. ГАЛЬПЕРИНЪ, Аврумъ Ароновичъ	" 15 - 16
✓ 11. ЦАЦКИСЪ, Гершъ Юдовичъ *	" 16 - 19
✓ 12. САЛИТРЕНИКЪ, Абрамъ Яковлевичъ, д-ръ	" 19 - 20
✓ 13. ВЕРХОЛА, Трофимъ Федоровичъ	" 20 - 32
✓ 14. РАПОПОРТЪ, Израиль Зусевичъ	" 32 - 33
✓ 15. СТАВИНСКИЙ, Маріанъ Ивановичъ, д-ръ	" 33 - 36
16. ШПИГЕЛЬ, Иосифъ Моисеевичъ	" 36 - 37
17. КУЗЕЛ, Павелъ Андреевичъ	" 37 - 38
18. ИОФФЕ, Илья Израилевичъ	" 38 - 43
19. ПИЛАТЪ, Моисей Соломоновичъ	" 43 -

Ф И Н К Е Л Ъ, Сруль Шулимовичъ. Служу во Второмъ Ссудо-Сберег. Т-вѣ.

Въ субботу 15-го февраля я утромъ вышелъ изъ дому по дѣламъ Товарищества. Я ходилъ по главнымъ улицамъ до 2-хъ часовъ. Въ 2 часа я отправился домой обѣдать. По дорогѣ къ своему дому встрѣтилъ вооруженный отрядъ милиціонеровъ съ помощникомъ надзирателя Добровольскимъ во главѣ. Куда направлялся этотъ отрядъ мнѣ было неизвѣстно. Когда я, пообедавъ, отправился къ мѣсту своей службы, то я встрѣтилъ тѣхъ же милиціонеровъ безъ Добровольскаго, причемъ обратилъ вниманіе, что они уже были обезоружены. Добровольскаго я лично знаю, какъ честнаго служаку, и предполагаю, что онъ, узнавъ о происходящей рѣзни, повелъ милиціонеровъ, чтобы предотвратить ее, но кто-то, повидимому милицію обезоружилъ. Когда я подошелъ къ Ссудо-Сберег. Т-ву, — это было около 4-хъ часовъ дня — я замѣтилъ, что 2 казака подъѣхали къ тюремному зданію, которое находится тутъ же рядомъ, и оттуда выпустили всѣхъ арестантовъ. Арестанты въ разсыпную бросились по разнымъ направленіямъ, причемъ большая часть ихъ пустилась на Завалье (гдѣ рѣзни не было). Большинство изъ нихъ было безъ верхней одежды и нѣкоторые въ одномъ бѣльѣ. ^{и босые} Черезъ 1/4 часа послѣ того, какъ арестанты были выпущены, изъ Аптек. переулка появился отрядъ казаковъ по направленію къ тюрьмѣ. Подойдя къ тюрьмѣ, полукругомъ стали передъ дверьми, а черезъ нѣкоторое время увели 2-хъ казаковъ, выпустившихъ арестантовъ.

Когда я вышелъ на улицу, я встрѣтилъ одного молодого человѣка съ окровавленнымъ лицомъ, который шелъ по направленію къ больницѣ, при этомъ онъ мнѣ сообщилъ, что на Аптек. и Купеческой улицахъ валяются многочисленные трупы. Дальше встрѣтились мнѣ сани, везшія раненую женщину. Я пошелъ въ больницу и узналъ, что тамъ имѣется нѣсколько раненыхъ, но труповъ тамъ не было. Когда я вновь вышелъ на улицу, одинъ крестьянинъ обратился ко мнѣ съ предостереженіемъ, указавъ, что рѣзня продолжается и посоветовалъ мнѣ идти домой, что я и сдѣлалъ. На слѣдующее утро прибѣжала ко мнѣ бѣдная женщина, приносящая мнѣ обѣды, и рассказала, что вчера, въ то время какъ она носила мнѣ обѣду, у нея дома на Аптекарск. улицѣ былъ убитъ ея сынъ — мальчикъ 12 лѣтъ. При этомъ я отъ нея уже узналъ, что почти вся Аптек. улица вырѣзана. Когда я послѣ этого отправился на службу, оказалось, что помѣщеніе Ссудо-Сберегательнаго Т-ва превращено въ перевязочный пунктъ и что тамъ уже имѣется свыше 30 раненыхъ. Я вернулся къ своему дому и встрѣтилъ отрядъ казаковъ, который, какъ впоследствии оказалось, ѣхалъ въ Фель-

штинъ, чтобы тамъ учинить рѣзню, при этомъ изъ этого отряда отдѣлился весьма юный казакъ и пашкой зарубилъ проходившаго мимо еврея Герша Деражнера.

Въ воскресенье же, сидя цѣлый день дома, я изъ окна могъ наблюдать, какъ извозчики возили раненныхъ въ Земскую больницу.

На слѣдующій день (понедѣльникъ) рано утромъ ко мнѣ вновь явилась мать убитаго мальчика и просила меня помочь ей похоронить сына. Я съ ней вышелъ по направленію къ ея дому, что находится въ противоположномъ концѣ города. По дорогѣ намъ встрѣтилось масса крестьянскихъ дровенъ, на которыя были наложены многочисленные трупы, причемъ можно было замѣтить, что нѣкоторые трупы были изгрызаны свиньями. Дровни направлялись на кладбище. Улицы были пустыни. Ни одного еврея не видать было на улицѣ. Когда мы, наконецъ, добрались до дому, гдѣ проживаетъ мать убитаго, то трупа дома не оказалось, такъ какъ его уже успѣли завалить на дровни и отправить на кладбище. Тогда я вмѣстѣ съ женщиной отправился на извозчикѣ на кладбище, чтобы разыскать трупъ. Кладбище было завалено трупами. Было много мужчинъ, женщинъ, особенно поражала многочисленность убитыхъ дѣтей. Крестьяне въ это время рыли яму, которая должна была послужить общей могилой. За работою слѣдилъ тотъ же надзиратель Добровольскій, который на мою просьбу дать возможность нѣкоторыхъ евреевъ похоронить отдѣльно, отвѣтилъ, что это можно сдѣлать только въ продолженіе этого дня, такъ какъ ему данъ строгій приказъ, чтобы къ слѣдующему дню ни одинъ трупъ не остался не погребеннымъ. Я обратилъ вниманіе Добровольскаго на то, что надъ трупами уже поработали мародеры. Такихъ мародеровъ

Такихъ мародеровъ оказалось очень много на кладбищѣ не только христіанъ, но и евреевъ. Явились на кладбище родные ^{нѣкоторые} ~~ихъ~~ убитыхъ и указывали, что въ платяхъ на убитыхъ зашиты деньги и что деньги имѣются также въ карманахъ. Вмѣстѣ съ другими я разыскивалъ трупы, на которые указывали ихъ родные, и дѣйствительно, доставалъ изъ кармановъ бумажники съ деньгами, также намъ удалось снять у нѣкоторыхъ цѣнныя кольца, и всѣ эти деньги и драгоценности переданы были тутъ же подъ расписку роднымъ. Копаніе могилы затянулось до глубокой ночи. Такъ какъ въ продолженіи цѣлаго дня я ничего не имѣлъ во рту и крайне продрогъ, вообще чувствовалъ себя разбитымъ и потрясеннымъ, то я вернулся домой не дождавшись похоронъ.

Трупы жертвъ, какъ узналъ я потомъ, были опущены въ могилу лишь въ 4 часа утра. По приблизительному подсчету я предполагаю, что труповъ было свыше 1000. Добавляю, что многіе трупы хоронились родными

отдѣльно. Приходило много русскихъ людей на кладбище и просили меня указать имъ трупы ихъ знакомыхъ.

С. ФИНИТЕЛЬ.

ПРОТОКОЛЪ № 2.

Изъ ГРИНОВЦЫ-ЛѢСОВЫЕ въ 6 верстахъ отъ Проскурова.

Б У Х Е Р Ъ, Шлема Лейбовичъ, Б У Х Е Р Ъ, Давидъ Лейбовичъ, Б У Х Е Р Ъ, Иосифъ Шлемовъ.

Мы жители с. Гриновецъ-Лѣсовые, въ 6 верстахъ отъ Проскурова, служимъ въ качествѣ управляющихъ 2 экономіями, арендуемыми христіанами. Всего евреевъ въ селѣ 44^{мужчин} человѣка. Кромѣ насъ всѣ прочіе евреи занимаются исключительно^{мужчин} торговлей. Между еврейскимъ и мѣстнымъ христіанскимъ населеніемъ раньше недоразумѣній не было^{ва}, хотя крестьяне чувствовали нѣкоторую неприязнь къ нашимъ хозяевамъ - арендаторамъ и отчасти эту неприязнь переносили и на насъ. Когда до нашего села дошла вѣсть о рѣзнѣ въ Проскуровѣ, то мѣстные молодые крестьяне потребовали, чтобы насъ всѣхъ евреевъ удалили изъ села и они послали депутацію въ городъ. Трое изъ нихъ отправились въ Проскуровъ и привели оттуда трехъ вооруженныхъ гайдамаковъ. Это было въ понедѣльникъ 17-го февраля. Тогда они стали ходить по домамъ и искать евреевъ. Евреи всѣ попрятались по чердакамъ, но крестьяне вмѣстѣ съ гайдамаками ихъ разыскали и вывели на улицу. При этомъ гайдамаки всѣхъ евреевъ обыскали и забрали у I/Иосифа Шлемовича Бухера 18500 руб. и серебрян. часы, у Менделя Фишелевича Бухера 1500 руб. и золотыя вещи (кольца, часы, 3/Шмуля Фишелевича Бухера 1500 руб., а нѣкоторые крестьяне разобрали вещи домашнія. Всего, такимъ образомъ, набралось евреевъ 33 человѣка, остальные II успѣли скрыться. Среди собранныхъ было 18 дѣтей, остальные мужчины и женщины. Гайдамаки спросили крестьянъ, хотятъ ли, чтобы евреевъ убили тутъ же на мѣстѣ, на что тѣ отвѣтили: "дѣлайте, что хотите". Было предложено убить арестованныхъ евреевъ гдѣ-нибудь за селомъ. Намъ сказали, что насъ поведутъ въ Проскуровъ къ коменданту пѣшкомъ. Но такъ какъ среди насъ было много дѣтей, то мы указали на невозможность идти въ городъ пѣшкомъ и просили дать намъ подводы. Старики крестьяне на это согласились. Подводы были даны за нашъ счетъ. По дорогѣ, когда мы ѣхали, молодые крестьяне подняли вопросъ о нашемъ убійствѣ, но старики крестьяне до этого не допустили. Везли насъ исключительно крестьяне въ количествѣ 15 человѣкъ, а гайдамаки уѣхали раньше, при чемъ по дорогѣ въ городъ они успѣли убить трехъ евреевъ. Насъ привезли около 2½ часовъ къ

коменданту Киверчуку, въ руки котораго насъ хотѣли передать. Но Киверчукъ направилъ насъ къ станціонному коменданту, а тотъ въ свою очередь препроводилъ насъ въ штабъ военно-полевого суда. Тамъ насъ и крестьяне стали опрашивать, въ чемъ насъ обвиняютъ, мы отвѣтили, что ^{мы} сами не знаемъ, а крестьяне тоже устно никакихъ обвиненій не предъявляли. Тогда было постановлено отправить насъ обратно на вокзалъ, гдѣ мы должны будемъ ждать рѣшенія атамана Семосенки. Крестьянъ при этомъ отпустили и дали намъ охрану изъ гайдамаковъ въ числѣ 10. Съ вокзала насъ отправили обратно къ Киверчуку, гдѣ мы находились подъ арестомъ всю ночь, а утромъ намъ объявили, что мы освобождены по постановленію военно-полевого суда. Съ того дня обратно въ село ни одинъ еврей не вернулся, и всѣ мы проживаемъ въ Проскуровѣ. Добавляемъ, что еще до прихода 3-ьяго гайдамацкаго полка мы терпѣли неоднократныя обиды отъ гайдамаковъ, составлявшихъ охрану коменданта Киверчука. Подъ видомъ реквизиціи они у насъ забирали, что хотѣли, и былъ даже случай, когда эти же гайдамаки учинили ночью нападеніе на одного изъ насъ.

Подписи Давида, Шлемы и Іосифа Бухеравъ

ПРОТОКОЛЬ № 3.

Б У Х Е Р Ъ, Давидъ Лейбовичъ дополнительно показываетъ:

Въ субботу 15-го февраля я ночевалъ у своего сына Іосифа Бухера, проживающаго въ Проскуровѣ по Соборн. ул. Днемъ квартира сына была пощажена гайдамаками, а ночью около часу ночи явились 6 гайдамаковъ и, выстроивъ всѣхъ насъ въ числѣ 12-ти человекъ въ шеренгу, приготовили холодное оружіе, чтобъ начать насъ рѣзать. Мы ихъ начали умолять о пощадѣ, обѣщая отдать все, что у насъ есть; тогда они въ концѣ концовъ смилостивились, пощадили нашу жизнь, но ограбили насъ до тла. Они забрали у насъ всѣ имѣющіяся деньги (10.000 руб.), а также платья и сапоги на сумму около 20.000 руб.

Давидъ Бухеръ.

ПРОТОКОЛЬ № 4.

Ш Т Е Р Ъ, Мендель Овшіевичъ.

Въ 3-ьемъ гайдамацкомъ полку, который учинилъ рѣзню евреевъ въ Проскуровѣ, подъ фамиліей Рахманенко служилъ полуинтеллигентный еврей, фамилія котораго, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, была Рохманъ. Рохманенко, по свѣдѣніямъ нѣкоторыхъ лицъ самъ принималъ участіе въ рѣзнѣ, чего онъ и не отрицалъ. После большевистскаго возстанія онъ былъ назначенъ членомъ слѣдственной комиссіи по разслѣдованію этого возстанія. Рохманен-

ко пользовался особым расположением Семесенки. Около 1-го марта, числа точно не помню, домъ въ которомъ я живу, въ 3 часа ночи былъ окруженъ гайдамаками и милиціонерами. Какъ наша семья, такъ и сосѣди страшно перепугались и всѣ запрятались на чердакъ. Пришедшіе вошли въ нашу квартиру, но чердака не разыскали и оставались до самого утра. Утромъ мы рѣшили, что бесполезно скрываться, и вышли къ гайдамакамъ. При этомъ мы замѣтили, что квартира была обыскана и нѣкоторыя вещи забраны. Гайдамаки распорядились арестовать всѣхъ мужчинъ и отправить въ коменданту, какъ они звали Рохманенко. Насъ, мужчинъ, было человѣкъ 8, но Рохманенко распорядился, чтобы всѣхъ отпустили, а задержали только меня и моихъ 2-хъ братьевъ. Къ намъ онъ обратился съ обвиненіемъ, что мы бундовцы и сочувствуемъ большевизму, и объявилъ насъ арестованными. Мой отецъ въ это время отправился къ комиссару Верхолѣ и спросилъ у него, по чьему распоряженію Рохманенко арестовалъ его сыновей. Верхола отвѣтилъ, что ему объ этомъ ничего не извѣстно. Отецъ съ тѣмъ же вопросомъ обратился къ коменданту Киверчуку, но и тотъ не зналъ. Тогда отецъ вновь вернулся къ Верхолѣ и сообщилъ ему, что Рохманенко такимъ же путемъ арестовалъ Кацмана, но выпустилъ за взятку. Отецъ сказалъ, что ради спасенія своихъ сыновей долженъ будетъ пойти тѣмъ же путемъ, такъ какъ въ рукахъ Рохманенко они могутъ подвергнуться всякому риску. Дѣйствительно отецъ мой отправился къ квартирохозяину Рохманенко Прозеру и вступилъ черезъ него въ переговоры съ Рохманенко. Въ результатѣ этихъ переговоровъ моя мать черезъ нѣкоторое время вручила Рохманенко 10.000 руб., но тотъ же Прозеръ отъ имени Рохманенко сказалъ моему отцу, что эта сумма не достаточна для освобожденія насъ троихъ. Тогда мать принесла Рохманенко еще 10.000 руб. и тотъ обѣщалъ къ вечеру насъ освободить. Въ тотъ же вечеръ мы были освобождены, а на слѣдующее утро по приглашенію комиссара Верхолы, мой отецъ былъ у него, и по настойчивымъ его требованіямъ сообщилъ ему, что за наше освобожденіе Рохманенко получилъ взятку. Въ тотъ же день послѣ полудня къ отцу моему явился полиц. надзиратель, который пригласилъ моего отца въ Рохманенко. Когда мой отецъ явился, то Рохманенко сталъ настаивать, чтобы отецъ далъ ему расписку въ томъ, что онъ получилъ обратно деньги. Но отецъ отвѣтилъ, что боится давать расписку, что онъ далъ взятку. Тогда Рохманенко предложилъ указать въ распискѣ, что онъ получилъ обратно деньги, данные подъ залогъ. Но отецъ отвѣтилъ, что не считаетъ нужнымъ давать фиктивныхъ расписокъ. Тутъ Рохманенко объяснилъ отцу, что изъ двадцати тысячъ руб. онъ десять тысячъ истратилъ, такъ какъ подѣлился съ

Семосенко, съ другими, а затѣмъ много денегъ ушло на попойку, которую онъ наканунѣ устроилъ для Семосенки и др. Онъ предлагаетъ отцу выдать такую расписку и получить оставшіеся у него 10.000 руб., при этомъ онъ грозилъ местию со стороны ^{его} друзей, если онъ на это не согласится или если онъ вообще будетъ его винить. Отецъ далъ ему расписку и получилъ обратно 10.000 руб. Обо всемъ этомъ онъ поставилъ въ извѣстность Верхову. На слѣдующій день вечеромъ Гохманенко былъ арестованъ по настоянію Верховы. Въ тюрьмѣ онъ пробылъ 2 недѣли и былъ убитъ по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ.

МЕНДЕЛЬ ШТЕРЪ

ПРОТОКОЛЬ № 5.

ВАССЕРМАНЪ, Симха Абрамовичъ, гласный Городской Думы.

Я состою гласнымъ Проскуровской Городской Думы съ момента организации этой Думы на демократическихъ началахъ. Дума состояла изъ 50 гласныхъ, изъ которыхъ половина евреевъ. Изъ числа евреевъ 18 выбраны еврейскимъ спискомъ, остальные шли по общему социал. списку. Предсѣдателемъ городской Думы состоялъ Ставинскій, полякъ, а Городскимъ Головою со времени I-й Рады полякъ Сикора, который и раньше работалъ въ городскомъ самоуправленіи.

Въ пятницу 14-го февраля я зашелъ въ Думу, гдѣ находился гласн. Думы Холоденко (еврей) и членъ Управы Волошинъ (укр. соц.), при чемъ зашелъ разговоръ объ убійствѣ еврея на одномъ изъ хуторовъ прошлой ночью. Я, между прочимъ, высказалъ, что еврей, вѣроятно, убитъ съ цѣлью грабежа. Но Волошинъ выразилъ въ этомъ сомнѣніе и при этомъ передалъ свой разговоръ съ однимъ офицеромъ, который высказалъ свое убѣжденіе, что надо евреевъ истреблять, украинцамъ они не нужны, пусть себѣ ѣдутъ въ Іерусалимъ. Въ это время вошелъ городской Голова Сикора, который со своей стороны сообщилъ о своемъ разговорѣ съ полковникомъ, заявившимъ что въ скоромъ времени потреплетъ евреевъ. Меня и Холоденко эти разговоры крайне взволновали и когда я выразилъ удивленіе по поводу того, что хотятъ строить счастье Украины на еврейскихъ погромахъ, и указалъ, что это произведетъ тяжелое впечатлѣніе на мирную конференцію, то присоединившійся къ намъ въ это время д-ръ Ставинскій, засмѣялся и замѣтилъ: "когда еще конференція будетъ, а если кто захочетъ побить собаку, то палку найдетъ." Я высказалъ свою мысль, не нужно ли принять какихъ-нибудь мѣръ предупрежденія, то Сикора замѣтилъ, что не слѣдуетъ будить спящаго волка, быть можетъ все это и такъ пройдетъ. Въ моемъ домѣ помѣщался штабъ коменданта Киверчука. И когда на слѣдующее утро

дворникъ моего дома сообщилъ мнѣ, что ночью было выступленіе большевиковъ, которые арестовали Киверчука, я, вспомнивъ нашу бесѣду въ Управѣ, крикнулъ семьѣ: "погромъ готовъ". Въ то же утро въ мой домъ переехалъ штабъ Семосенки. Были разставлены вокругъ дома пулеметы и такіе же пулеметы были поставлены на мансардахъ по обѣимъ сторонамъ моего дома. Большевистское возстаніе было, повидимому, подавлено, такъ какъ въ 11 часовъ утра къ дому подъѣхалъ освобожденный Киверчукъ и съ нимъ председатель Укр. Нац. Союза Мудрый и еще какая-то женщина. Въ тотъ же день я изъ окна увидѣлъ, что отъ вокзала тянется вереница въ 300 человекъ гайдамаковъ 3-го Гайдамацкаго полка въ полномъ вооруженіи съ пулеметами. Сзади нихъ ѣхалъ врачъ и сестра милосердія. Я предположилъ, что они направляются въ Гречаны, гдѣ находится депо, что тамъ большевистское возстаніе, но въ послѣдствіи выяснилось, что это былъ тотъ отрядъ казаковъ, который разсыпался по городу и сталъ вырѣзывать еврейское населеніе. Мой дворникъ, а равно и прислуга сообщили мнѣ, что въ разныхъ частяхъ города рѣжутъ евреевъ. Изъ своего окна я видѣлъ, какъ казаки за кѣмъ-то погнались, а затѣмъ кто-то изъ нихъ выстрѣлилъ, и они вернулись назадъ. Этимъ выстрѣломъ былъ убитъ, какъ оказалось, одинъ еврей Абрамъ Хаимовичъ М/РАНИЦЪ. По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, казаки 3-го гайдамацкаго полка, раньше чѣмъ отправиться рѣзать евреевъ, по предложенію Семосенки, приняли присягу съ цѣлованіемъ креста, что они только будутъ рѣзать, но не грабить. Дѣйствительно, они остались вѣрны своей присягѣ и съ спокойной совѣстью рѣзали евреевъ какъ на улицѣ, такъ и въ домахъ, но имущества не трогали. Если нѣкоторые и грабили, то они представляютъ исключеніе. Но вмѣстѣ съ ними шли убивать евреевъ солдаты охранной сотни ком. Киверчука, а также милиціонеры. Тѣ и другіе не будучи связаны присягой, не только убивали, но и грабили. Справедливость требуетъ отмѣтить, что бывали случаи, когда единичные казаки по мѣрѣ возможности спасали обреченныхъ евреевъ. Такъ въ двухъ случаяхъ казаки, войдя въ домъ, предлагали евреямъ спрятаться, а сами привели въ безпорядокъ мебель, создавая картину происшедшаго уже погрома. Мнѣ извѣстны случаи, когда нѣкоторые откупались деньгами.

С. А. Вассерманъ.

ПРОТОКОЛ № 6.

ГЕЛЬМАНЪ, Сарра Моисеевна.

Я живу на Коммерческой ул. № 40 въ домѣ Ковалевскаго. На Ком. ул. рѣзни не было, и никто изъ евреевъ на этой улицѣ не пострадалъ. Съ домохозяиномъ Ковалевскимъ, особенно съ сыномъ его Николаемъ Григорьевичемъ, случившимся въ погромъ, я имела знакомство. Въ погромъ я не пошла.

чемъ, служившимъ въ комендатурѣ въ качествѣ второго помощника коменданта, у меня вышла крупная ссора на почвѣ арендной платы за квартиру. Эту квартиру я переняла отъ жившаго тамъ Стерника за 675 руб. въ годъ. Старикъ Ковалевскій подъ вліяніемъ своего сына потребовалъ моего выселенія, если я не соглашусь уплачивать 6000 руб. въ годъ. Опираясь на законъ, запрещавшій увеличивать квартирную плату свыше 15%, я выселиться отказалась. Въ концѣ концовъ мы сошлись на томъ, что онъ будетъ получать 3000 руб. Но молодой Ковалевскій старался мнѣ всячески мстить за то, что я не соглашалась выѣхать изъ квартиры. Онъ хитростью устроилъ такъ, что вмѣстѣ съ своей женой поселился въ моей квартирѣ, занявъ у меня комнату. Вообще молодой Ковалевскій отличался злобнымъ мстительнымъ характеромъ, онъ проявлялъ грубость не только противъ насъ, и другихъ, но и противъ родного отца. Грубость Ковалевского по отношенію ко мнѣ часто вызвала ссору, въ которой принималъ участіе 16-ти лѣтній сынъ Соломонъ. Дошло до того, что мнѣ пришлось подать на Ковалевского жалобу въ судъ за причиненную мнѣ обиду. 15-го февраля, въ памятный день рѣзни въ Проскуровѣ, утромъ, когда сынъ мой еще спалъ, явился ко мнѣ молодой Ковалевскій съ ручной бомбой въ рукахъ. Онъ заявилъ, что явился въ качествѣ помощника коменданта для ареста моего сына. Я стала его умолять и плакать, чтобъ онъ этого не дѣлалъ, такъ какъ сынъ мой не въ чемъ не виновенъ, но это не помогло. Онъ разбудилъ сына, велѣлъ ему одѣться и слѣдовать за нимъ. Я побѣжала къ его отцу и тотъ пришелъ вмѣстѣ съ своимъ зятемъ Гинтеромъ, и они стали просить молодого Ковалевского, чтобъ онъ оставилъ въ покоѣ моего сына. Но тотъ ихъ грубо оттолкнулъ. За сыномъ хотѣлъ пойти и мой мужъ, но Гинтеръ его удержалъ, выражая опасеніе за его безопасность. Такимъ образомъ сынъ былъ уведенъ, и, какъ потомъ мы узнали, онъ вмѣстѣ съ другими былъ выведенъ за городъ, гдѣ его разстрѣляли.

Сообщаю, между прочимъ, о слѣдующемъ случаѣ: послѣ происшедшей въ городѣ рѣзни, ко мнѣ явился старикъ Ковалевскій и съ недоумѣніемъ заявилъ, что въ саду его дома оказалось много вещей, платья мужского и женскаго. Онъ высказалъ, что эти вещи награблены у евреевъ и выразилъ удивленіе, какъ онѣ попали сюда. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого молодой Ковалевскій явился ко мнѣ на квартиру, когда меня не было, и, угрожая мужу револьверомъ, обратился къ нему со словами: "скажи, гдѣ твоя жена. Она подбросила въ нашъ садъ вещи, чтобы подвести насъ. Я ее застрѣлю." Мужъ сталъ увѣрять, что я тутъ не при чемъ и что намъ не до того, чтобы подбрасывать вещи. Тогда другой офицеръ, бывшій вмѣстѣ съ

Ковалевскимъ, обратился къ мужу: "Дашь на водку деньги, и тогда уйдем." Мужъ далъ 50 рублей, но Ковалевскій все-таки отказался уйти, заявивъ, что будетъ ждать моего прихода, чтобъ меня застрѣлить. Онъ ушелъ лишь по настоянію старика отца, который пришелъ, чтобы выручить насъ. Добавляю, что во время рѣзни молодой Ковалевскій въ моей квартирѣ не проживалъ. Въ тотъ же день, насколько мнѣ извѣстно, онъ вывезъ вещи бывшія въ саду. Имя отчество молодого Ковалевскаго Николай Григорьевичъ.

Сара ГЕЛЬМАНЪ.

ПРОТОКОЛЪ № 7.

М А Р А Н Ц Ъ, Янкель.

Въ пятницу, 14-го днемъ мнѣ, какъ гласному Думы, кто-то сообщилъ, что готовится выступленіе большевиковъ и спрашивалъ моего мнѣнія. Я объ этомъ ничего не зналъ. Будучи членомъ Исполнительнаго Комитета Центрального Бюро по охранѣ города, я отправился въ это бюро, чтобы узнать, не имѣется ли тамъ какихъ-нибудь свѣдѣній. Тамъ я нашелъ председателя Бюро Осткевичъ-Рудницкаго, помощника его Шейкмана и секретаря Штернгаса, впоследствии убитаго. Имъ такъ же, какъ мнѣ ничего не было извѣстно. Но въ это время явилось въ Бюро два молодыхъ человека, какъ впоследствии оказалось, принадлежавшіе къ большевистской партіи, и пожелали видѣть председателя Центрального Бюро. Председатель попросилъ ихъ въ другую комнату, гдѣ находился и помощникъ, я же и секретарь остались. Дверь, очевидно по требованію пришедшихъ, была заперта на ключъ. Я остался ожидать результата этого страшнаго совѣщанія, которое продолжалось больше часа. Наконецъ, посѣтители ушли и я обратился къ председателю съ вопросомъ, въ чемъ дѣло. Отъ него я узналъ, что пришедшіе предупредили о готовящемся выступленіи большевиковъ и просили о содѣйствіи этому выступленію со стороны центральной охраны. Имъ было отвѣчено, что Центр. Бюро политикой не занимается и никакого участія въ выступленіи оно принимать не можетъ. На этой почвѣ происходилъ обмѣнъ мнѣній, причемъ пришедшіе настаивали на своемъ предложеніи. На мой вопросъ, когда они думаютъ выступить, мнѣ отвѣтили, что они момента не указали. Мы всѣ были удручены происшедшимъ, а стоявшій тутъ же секретарь пророчески сказалъ: "намъ всѣмъ готовится гибель." Съ тяжелымъ сердцемъ я поздно вечеромъ отправился домой. Ночью около разсвѣта я былъ разбуженъ стрѣльбой въ городѣ. Я больше заснуть не могъ и рано, около 7 часовъ, вышелъ изъ дому. Я вышелъ на Александровскую улицу и очутился возлѣ дома Трахтенберга, гдѣ обычно на-

ходилъся Союзъ Металлистовъ, а сейчасъ былъ штабъ возставшихъ большевиковъ. Тутъ я узналъ, что выступленіе ночью произошло, что большевиками захвачена почта и арестованъ комендантъ Киверчукъ. Говорили, что съ часу на часъ ожидается сформированіе большевистской власти. Ко мнѣ подбѣжалъ большевикъ Лившицъ, извѣстный въ городѣ подъ прозвищемъ "слѣпой токарь" съ предложеніемъ взять ружье и присоединиться къ возставшимъ. Самъ токарь былъ вооруженъ и съ нимъ вмѣстѣ стояла партія другихъ вооруженныхъ людей. Услыхавъ такое предложеніе я рѣшилъ укрыться. Въ это время я замѣтилъ, что по Алекс. ул. по близости отъ насъ идутъ два отряда конныхъ казаковъ съ помощникомъ коменданта Новицкимъ во главѣ. Появленіе Новицкаго тутъ же рядомъ съ большевиками вызвало мое недоумѣніе и я обратился къ стоявшему возлѣ меня рабочему большевику съ вопросомъ, что тутъ дѣлаетъ Новицкій. Тотъ мнѣ отвѣтилъ "Новицкій съ нами" и онъ стоитъ во главѣ возстанія". Но не успѣлъ онъ окончить, какъ я услышалъ команду Новицкаго: заряжать ружья. Услыхавъ такую команду, я бросился бѣжать въ ворота ближайшаго дома; не успѣлъ я туда вбѣжать, какъ раздалась ружейная пальба и стрѣльба изъ пулеметовъ. Черезъ крышу сосѣдняго дома я выбрался на Купеческую улицу, оттуда окольнымъ путемъ на свою квартиру на Соборн. ул. Это было около 10 часовъ утра 15/У. По дорогѣ въ свой домъ я встрѣтилъ лидера объединен. социалистовъ Крупника, въ послѣдствіи убитаго, и спросилъ его, какъ онъ смотритъ на разыгравшіяся событія. Онъ отвѣтилъ, что смотритъ очень мрачно, что вчера у нихъ было собраніе всѣхъ социал. партій и всѣ высказались противъ выступленія, но ничего не помогло. Вернувшись домой я чувствовалъ себя разбитымъ и заснулъ, но скоро меня разбудила жена и сообщила, что въ переулкѣ противъ моего окна уже рѣзутъ евреевъ. Я подошелъ къ окну и увидѣлъ, какъ изъ дома Нейтера выбѣжалъ старикъ Нейтеръ и одинъ казакъ убилъ его выстрѣломъ изъ ружья. За старикомъ выбѣжала его дочь - замужняя молодая женщина и одинъ изъ гайдамаковъ нѣсколькими ударами кинжаломъ въ животъ тутъ же прикончилъ съ ней на мѣстѣ. Мнѣ казалось, что казаки ушли, такъ какъ нѣкоторое время я ихъ не видѣлъ. Въ это время выбѣжала старуха Нейтеръ и хотѣла поднять тѣло убитой дочери, при этомъ она горько плакала и звала на помощь. Тогда появилось 2 гайдамака, и одинъ изъ нихъ крикнулъ: "Бей ее, чего она кричитъ". Другой тутъ же нѣсколькими ударами пашки разрубилъ старухѣ голову. Тутъ же изъ дому выбѣжали 2 дѣвочки 5 и 6 лѣтъ, дѣти убитой молодой женщины. Казаки погнались за дѣтьми и начали бить прикладами. Одна дѣвочка была тутъ же убита, а

другая израненая, какимъ то чудомъ спряталась въ сосѣдній домъ и спаслась. Въ виду того, что мой домъ являлся не замѣтнымъ, при томъ въ домѣ помѣщается слесарно-механическая мастерская, гдѣ случайно выбиты были окна, то я рѣшилъ, что мой домъ будетъ лучшей охраной и никуда не уходилъ. Мучительно я провелъ эту ночь, а утромъ, когда я выглянулъ на улицу, то я увидѣлъ массу труповъ, которыхъ свиньи грызли. Черезъ нѣкоторое время пришла моя матъ и сообщила, что особенно сильная рѣзня была на Аптекарьск. улицѣ. Такъ какъ на этой улицѣ проживалъ мой близкій другъ Авербухъ, то я бросился туда, чтобъ узнать въ какомъ онъ положеніи. Оказалось, что онъ, его жена и двое дѣтей тяжело ранены и тутъ же около 15 человекъ убитыхъ. Среди убитыхъ были мужчины, женщины и дѣти, его квартиранты и сосѣди, которые почему то у него прятались. Съ помощью одной крестьянки я сложилъ трупы въ одной комнатѣ, а самъ, какъ только умѣлъ, оказалъ первую помощь раненымъ и бросился разыскивать фельдшера. По моему зову пришли 3 фельдшера и сдѣлали раненымъ перевязки. Когда я возвращался затѣмъ домой, за мной погнались гайдамаки и хотѣли меня убить. Я бросился бѣжать и мнѣ встрѣтились двое знакомыхъ русскихъ рабочихъ, которые, желая меня спасти, посоветовали мнѣ забѣжать въ переулокъ, а они скажутъ казакамъ, что я не жидъ, а русскій. Такъ они сдѣлали, и я спасся. На слѣдующій день я, какъ гласныя думы, отправился на засѣданіе думы, но по дорогѣ я встрѣтилъ гласнаго Штера, который сказалъ, что засѣданія нѣтъ и пошелъ вмѣстѣ со мной. Штеръ замѣтилъ, что гонятся за нами гайдамакъ, который ѣдетъ на извозчикѣ. Подѣзжая къ намъ онъ выхватилъ саблю и соскочилъ съ саней. Но къ счастью для насъ, кто-то въ этотъ моментъ съ противоположнаго ~~Трофчара~~ по-звалъ казака по имени. Тотъ обернулся, а мы въ это время скрылись въ сосѣдній домъ. Больше я въ этотъ день не выходилъ.

Янкель МАРАИЦЪ

ПРОТОКОЛЬ № 8.

ШЕИНКМАНЪ, Левъ Моисеевичъ.

Я состоялъ тов. Предсѣдателя Центрального Биро по кварт. охранѣ г. Проскурова, которую я же организовалъ. Предсѣдателемъ состоялъ В.В.Осткевичъ-Рудницкій. О томъ, что предполагается большевистское возстаніе, мнѣ было извѣстно за ~~III~~ дней 10 до рѣзни. Объ этомъ мнѣ говорили нѣкоторые изъ мѣстныхъ большевиковъ, которыхъ я лично зналъ. Они также обращались ко мнѣ, какъ къ тов. предсѣдате-

ля Ц.Б. съ просьбой поддержать ихъ выступленіе. Я отвѣтилъ имъ указаніемъ на то, что наша организація безпартійная и наша цѣль только охранять городъ. Я предостерегалъ ихъ противъ мѣст. выступленія, но они меня увѣрили, что это общегубернское выступленіе, оно будетъ въ разныхъ мѣстахъ одновременно. Въ это время атаманъ Семосенко былъ уже въ Проскуровѣ. Я съ нимъ свкорѣ послѣ его появленія познакомился, тогда, когда въ Гор. Управѣ прочиталъ его донесеніе о томъ, что по его распоряженію разстрѣляны сотникъ грабитель въ м. Волковинцахъ и что онъ никакихъ безпорядковъ не допуститъ. Когда я Семосенкѣ представилъ свѣдѣнія о нашей охранѣ, онъ ее одобрилъ и обѣщалъ даже дать оружіе, если у насъ его недостаточно. Долженъ добавить, что на меня лично Семосенко произвелъ нѣсколько странное впечатлѣніе: это былъ человѣкъ крайне нервный, экспансивный, многорѣчивый, страдавшій забывчивостью. Изъ словъ Семосенки я убѣдился, что онъ прибылъ сюда съ отрядомъ не больше 100 человѣкъ и только тутъ набралъ отрядъ въ 400 человѣкъ. Въ четвергъ 13/II ко мнѣ обратился на улицѣ знакомый еврей съ вопросомъ, не извѣстно ли мнѣ о томъ, что будто бы большевистское выступленіе назначено на завтра. Я отвѣтилъ, что мнѣ ничего не извѣстно. Долженъ отмѣтить, что о предстоящемъ выступленіи знали очень многіе, но не знали точно, когда оно будетъ. Послѣ бесѣды съ евреемъ я отправился къ знакомымъ большевикамъ и спросилъ, вѣрно ли, что на завтра назначено ихъ выступленіе. Но тѣ, очевидно, мнѣ не довѣряя, отрицали этотъ фактъ. На слѣдующій день въ пятницу, въ 5 часовъ дня, къ намъ въ Цент. Бюро явился мѣстный большевикъ и обратился ко мнѣ, какъ къ тов. председателя охраны съ просьбой снабдить его планомъ города и другими свѣдѣніями для избѣжанія лишняго кровопролитія, такъ какъ выступленіе назначено на 12 часовъ ночи. Я вновь высказалъ свое мнѣніе, что выступленіе преждевременно и можетъ вызвать еврейскій погромъ. Но онъ остался при своемъ. Я съ председателемъ рѣшили не отлучаться изъ Бюро, и мы призвали всѣхъ нашихъ инструкторовъ и отдали распоряженіе, чтобъ никто изъ охраны не ложился въ эту ночь. Въ 10 часовъ вечера въ Центр. Бюро явился одинъ изъ большевиковъ, который объявилъ себя комиссаромъ Центр. Бюро и предъявилъ ордеръ отъ Рев. Ком. Онъ остался у насъ. Я былъ назначенъ для поддержанія связи съ штабомъ поэтому я первоначально отправился въ Ревкомъ для полученія пропуска. Тамъ я засталъ нѣсколько человѣкъ, изъ которыхъ одинъ былъ, какъ я зналъ, явнымъ провокаторомъ. Я видѣлъ, что работа не налажена и что люди неопытны. Я имъ началъ доказывать о преждевременности выступ-

ленія. Меня направили въ штабъ. Видя, что и тамъ работа не налажена, я и имъ указаль на безсмысленность этого выступленія, я убѣждалъ одного изъ наиболѣе вліятельныхъ большевиковъ, чтобъ большевистское возстаніе было отложено. Онъ какъ-будто поддался на мои увѣщеванія и сказалъ, что выступленіе, перенесенное съ 12 час. на 5 часовъ утра, будетъ отложено до болѣе удобнаго момента, когда придетъ помощь изъ окрестныхъ деревень. Послѣ этого я вернулся въ Ц.Б. Назнач. больш. комиссаръ получилъ извѣщеніе о томъ, что выступленіе отложено. Вся охрана наша въ полномъ составѣ обошла весь городъ и мы убѣдились, что въ городѣ спокойно. Въ 6 часовъ, когда мы вернулись въ Бюро, тотъ же комиссаръ мнѣ сообщилъ, что положеніе перемѣнилось, выступленіе состоится утромъ и будетъ возвѣщено орудійными выстрѣлами. Дѣйствительно, въ 6½ часовъ раздались выстрѣлы, и мы узнали, что выступленіе большевиковъ началось. Вскорѣ послѣ этого раздался телефонный звонокъ. Оказалось, что Семосенко оповѣщаетъ насъ, что мы всѣ находимся въ распоряженіи Уѣздн. Команданта. Затѣмъ всѣ телефоны были выключены по распоряженію коменданта станціи (петлюр.)

Черезъ часъ въ Бюро появилось около 15 вооруженныхъ людей, изъ которыхъ нѣкоторые были съ галиційскими значками, другіе въ каскахъ и одинъ милиціонеръ Гула. Они спросили, что это за учрежденіе. Мы отвѣтили. Но они говорятъ: Жидовское Бюро съ жидовскимъ комиссаромъ и т.д. Когда мы спросили, кто они сами такіе, они отвѣтили: большевики. Ясно было видно, что это провокаторы. Одинъ заявилъ, что изъ этого дома жида стрѣляли въ него и на этомъ основаніи они забрали все наше наличное оружіе. Долженъ добавить, что послѣ выстрѣловъ возвѣщавшихъ о началѣ возстанія, я и предсѣдатель объяснили чинамъ охраны, что означаютъ эти выстрѣлы и замѣтили, что мы имъ предоставляемъ полную свободу дѣйствій, какъ частнымъ лицамъ, но не какъ членамъ охраны, а вмѣстѣ съ тѣмъ я велѣлъ отобрать всѣ внѣшніе знаки принадлежности къ охранѣ. Они отвѣтили, что пойдутъ туда, куда пойдеть президіумъ. Мы имъ сказали, что наша цѣль охранять городъ и только. И они остались вмѣстѣ съ нами, направившись въ караульню. Послѣ того, какъ оружіе было у насъ забрано, пришедшіе вооруженные солдаты объявили насъ арестованными и оставили нѣсколько человекъ въ качествѣ нашихъ охранниковъ. Но въ 12 час. стража ушла и я отправился къ себѣ на квартиру. Я чувствовалъ большую усталость и легъ спать. Черезъ нѣкоторое время меня мать разбудила и сказала мнѣ, что Комендантъ Киверчукъ звалъ меня по телефону. Я хотѣлъ отправиться къ нему, но вбѣжалъ мой маленькій братъ и сказалъ, что сей-

часъ убили нашего средняго брата. Въ нашемъ домѣ были, кромѣ насъ, посторонніе, около 8 человѣкъ. Всего насъ было 15 человѣкъ. Мать, услышавъ объ убійствѣ брата, бросилась на улицу, но вскорѣ вбѣжала крайне взволнованная. Я понялъ, что къ намъ идутъ казаки и распорядился, чтобы всѣ спрятались въ спальнѣ подѣ кроватями. Въ это время казаки ворвались въ комнату, и я видѣлъ, какъ одинъ казакъ штыкомъ убилъ мою мать. Тогда приподнялся отецъ и сталъ просить о пощадѣ. Въ отвѣтъ на это раздались два выстрѣла, которыми отецъ былъ убитъ, а сестра ранена. Мой маленькій братъ вылѣзъ и началъ цѣловать трупъ матери, его тогда ранили. Послѣ этого казаки подошли къ кроватямъ и стали колотъ черезъ матрасы тѣх, которые были подѣ кроватями. Я, между прочимъ, замѣтилъ, что среди казаковъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые были на разсвѣтѣ въ Ц.Б. и заявилъ тамъ, что жида стрѣляли въ него, причемъ называлъ себя большевикомъ.

Л. Шейнкманъ.

ПРОТОКОЛЬ № 9.

ГРИНФЕЛЬДЪ, Мина Моисеевна.

14-го февраля я случайно узнала о предстоящемъ выступленіи большевиковъ и сочла, что это поведетъ къ еврейскому погрому. Утромъ 15-го началась въ городѣ безпорядочная пальба, и я поняла, что дѣло уже начато и что, повидимому, еврейскому населенію предстоить опасность. Отъ испуга и почувствовала приступъ преждевременныхъ родовъ, такъ какъ я была въ 4-мъ мѣс. Но охватившее меня волненіе было такъ велико, что я почти не чувствовала боли. Я сама проживаю по Алекс. ул. уг. Соборн. Въ 3-ьемъ часу я, стоя у окна, увидѣла, какъ банда гайдамаковъ, человѣкъ въ 20 остановилась у противоположнаго дома Хаселева. Изъ этой банды отделилось 4 человѣка и вошли въ одну изъ квартиръ къ Шифману, гдѣ пробыли нѣкоторое время, а затѣмъ я видѣла, какъ по выходѣ оттуда, одинъ изъ нихъ въ снѣгу чистилъ свою окровавленную шпагу. Въ этой квартирѣ было зарѣзано 3 человѣкъ. Изъ этой же банды нѣкоторые вошли въ гост. "Франція" и оттуда выбѣжалъ старикъ-содержатель гостиницы, лежавшій до того въ тифѣ, за нимъ гнались казаки, а за ними дѣти старика и молили о пощадѣ. Дѣйствительно, старикъ смерти избѣжалъ. Другихъ фактовъ я наблюдать не могла въ виду своего болѣзненного состоянія. Въ тотъ же день вечеромъ я разрѣшилась (преддевр.), и хотя нуждалась во врачебной помощи, но никто не рѣшался идти за докторомъ. Въ этомъ страхѣ мы пробыли почти цѣлую недѣлю. Наконецъ я рѣшилась послать за докторомъ Ставинскимъ, который, между прочимъ, состоитъ председателемъ Думы. Онъ пришелъ, оказалъ

мнѣ медицинскую помощь, а затѣмъ, стараясь меня успокоить, сказала, что убито не нѣсколько тысячъ евреевъ, а 1200, и что онъ самъ былъ у Семосенки, который увѣрялъ его, что больше этого не будетъ и онъ самъ тоже увѣренъ, что больше это не повторится.

Мина Гринфельдъ.

ПРОТОКОЛЬ № 10.

ГАЛЬПЕРИНЪ, Аврумъ Ароновичъ.

Я служилъ въ кварт.охранѣ и около 9 час.вечера 14/II, когда я пришелъ къ намъ въ канцелярію, пришелъ кто-то и рассказалъ, что въ II час. предполагается выступленіе большевиковъ, которое будетъ возвѣщено 4-мя выстрѣлами. До 6-ти часовъ утра я оставался караулить, никакихъ сигнальных выстрѣловъ не было. Въ 6 часовъ утра я вернулся домой, и уже когда я былъ дома, я, дѣйствительно, услыхалъ сигнальные выстрѣлы. Я тѣмъ не менѣе легъ спать. Въ 10 часовъ меня разбудили и сообщили о томъ, что убитъ дочь Трахтенберга. Я пошелъ бродить по городу, и на Александр.ул., около театра "Модернъ" увидѣлъ группу гайдамаковъ. Я не зналъ, кто они: большевики или петлюровцы. Я подошелъ поближе и изъ ихъ разговоровъ я понялъ, что они настроены противъ большевиковъ и евреевъ. Тогда я рѣшилъ отправиться къ своему товарищу Зельдису, проживающему тутъ же по близости на Аптек.ул. Когда я пришелъ туда слѣдомъ за мной явилось 4 гайдамака; изъ нихъ трое, какъ мнѣ показалось, съ интеллигентными лицами, и потребовали, чтобы имъ дали деньги и золото. У одного изъ присутствующихъ они вытащили 800 руб.; затѣмъ они стали искать деньги у другихъ. Они удалились и я пошелъ домой, на Каменец.ул., по направл.къ Зарѣчью. По дорогѣ мнѣ попадались отдѣльные трупы, но я не зналъ есть ли это жертвы погрома или большевистскаго выступленія. Когда я приблизился уже къ дому, то я наткнулся на большую партію гайдамаковъ, и одинъ изъ нихъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ: жидъ ли я или русскій. Я рѣшилъ сказать, что я русскій, и онъ потребовалъ документы. Я показалъ бывшій у меня ученическій билетъ, въ которомъ исповѣданіе не обозначено. Хотя этотъ билетъ его не удовлетворилъ вполне, но онъ меня отпустилъ. Другимъ казакамъ, которые направились ко мнѣ, онъ крикнулъ, что я русскій. Долженъ замѣтить, что я былъ въ солдатской шинели и папахѣ. Наша квартира оказалась запертой, окно было выбито. Возлѣ квартиры сосѣда Блехмана я видѣлъ казаковъ и вся семья изъ 6 человекъ въ этомъ домѣ оказалась вырѣзанной. Мои же родные, къ счастью, успѣли скрыться. Я тогда отправился въ деревню Зарѣчье и зашелъ къ еврею Розенфельду. До 9 часовъ было спокойно, затѣмъ

стали ломать дверь, и я съ сыномъ Розенфельда убѣжали вглубь деревни. За нами бросились бѣжать, но не гайдамаки, а крестьянскіе парни. Я отсталъ отъ Розенфельда и остановился. Крестьяне стрѣляли въ упоръ, но не ранили. Они затѣмъ хотѣли повести меня въ городъ. Ихъ вниманіе отвлекъ одинъ крестьянинъ, который сталъ рассказывать о чемъ то. Хлопцы меня оставили и я пошелъ въ Гриповцы. Еще до этого я замѣтилъ, что старикъ Розенфельдъ тяжело раненъ и звалъ на помощь. Въ Гриповцахъ проживали Бухеры, но такъ какъ было поздно ночью, я переночевалъ въ полѣ за вѣтренными мельницами. Утромъ я пошелъ къ Бухерамъ, пробылъ до 12 часовъ. Тамъ начались сходъ, на которыхъ говорили, что всѣхъ евреевъ отправятъ въ комендатуру. Я пошелъ въ городъ, но такъ какъ наша квартира была заперта, то я пошелъ обратно въ деревню. Въ деревнѣ было крайне не спокойно, и я съ нѣкоторыми Бухерами отправился ночевать къ крестьянину. Утромъ въ понедѣльникъ въ 12 час. явились 3 гайдамака и тогда я еще съ 3-мя евреями побѣжали въ лѣсъ. Въ лѣсу они не хотѣли оставаться, и мы пошли черезъ большую дорогу въ городъ. Насъ встрѣтили 3 крестьянина на дровняхъ, изъ нихъ одинъ съ винтовкой. Насъ остановили, и когда мы предъявили наши документы, крестьянинъ съ винтовкой заявилъ, что насъ ему и нужно, насъ велѣно ему задержать, и онъ обратно насъ отправилъ въ деревню. Я съ нимъ поѣхалъ на дровняхъ, а остальные пѣшкомъ. Вдругъ мы увидѣли 3-хъ гайдамаковъ, вернувшихся изъ деревни, и одинъ изъ нихъ пашкой сталъ рубить одного шедшаго пѣшкомъ (еврея). Крестьянинъ съ винтовкой сошелъ съ саней. Тогда я этимъ воспользовался и пустил лошадь вскачь, а одинъ гайдамакъ погнался за мной. (Всѣ трое евреевъ, 2 мол. людей и дѣвушка, были убиты). Черезъ нѣкоторое время кто-то остановилъ лошадь, я соскочилъ, убѣжалъ въ сторону и распростерся на снѣгу. Такъ какъ былъ туманъ, то не могъ быть особенно замѣтенъ. Спустя немного возлѣ меня оказались крестьянскіе подростки, которые приняли меня за мертвого, но, убѣдившись, что я живъ, повели меня въ деревню, стащивъ съ меня брасл. часы. Въ деревнѣ всѣ евреи оказались арестованными, и я вмѣстѣ съ ними былъ отправленъ въ Проскуровъ къ коменданту, который препроводилъ насъ на вокзалъ. Оттуда мнѣ удалось бѣжать.

А. Гальперинъ.

ПРОТОКОЛЬ № II.

Ц А Ц К И С Ъ, Гершъ Юдовичъ.

Въ воскресенье 16/П, послѣ происшедшей наканунѣ рѣзни, я утромъ одѣлся въ крестьянское платье, чтобъ не быть узнаннымъ и отправился

въ городъ. Въ разныхъ мѣстахъ я видѣлъ валявшіеся трупы, возлѣ которыхъ копошились свиньи. Около Александровской улицы я замѣтилъ группу гайдамаковъ, ведущихъ оживленный разговоръ съ стоящей тутъ же толпой. Я подошелъ и сталъ прислушиваться. Оказалось, что гайдамаки бранятъ евреевъ и говорятъ, что сегодня съ 2-хъ часовъ они повторятъ вчерашнюю рѣзню. Я тогда рѣшилъ отправиться къ моимъ родителямъ, чтобы предупредить ихъ о повторной рѣзни. Въ квартирѣ, кромѣ отца, матери и сестеръ, нашелъ своего младшаго брата, а равно двоюроднаго брата и еще одного родственника. Я предупредилъ о слышанномъ разговорѣ, затѣмъ отлучился на нѣкоторое время и вновь пришелъ на квартиру отца. Было уже около 4-хъ часовъ. Вдругъ мы увидѣли, что къ дому приближается нѣсколько (5) гайдамаковъ съ помощникомъ коменданта. Это былъ не Новицкій, котораго я зналъ въ лицо, а, повидимому, Ковалевскій. Я зналъ, что этотъ именно помощникъ коменданта далъ разрѣшеніе брату на ношеніе револьвера и былъ его знакомымъ. Мы поэтому особеннаго страха не испытали. Тѣмъ не менѣе отецъ и бывшія въ домѣ женщины спрятались на чердакъ. Мы отперли дверь, и они сказали: Дайте намъ аппаратъ, имѣющійся въ вашемъ домѣ, и оружіе. Братъ отвѣтилъ, что аппаратовъ никакихъ тутъ нѣтъ, а на револьверъ, который у него есть, самъ помощникъ коменданта далъ ему разрѣшеніе. Револьверъ вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ были отобраны у брата, затѣмъ сдѣлали видъ, что ищутъ аппаратъ. Послѣ этого они потребовали, чтобы мы пошли за ними. Мы начали ихъ просить, чтобы они оставили насъ. Они не хотѣли. Тогда мы просили хоть одного изъ насъ оставить для охраны дома. Они, наконецъ, согласились оставить бывшаго съ нами въ домѣ родственника. Остальныхъ насъ 3 гайдамака (остальные остались) повели въ комендатуру и помѣстили въ комнатѣ, гдѣ было уже много арестованныхъ, какъ русскихъ, такъ и евреевъ. Все время туда приводили новыхъ арестованныхъ, а также нашего отца. Оказалось, что оставшіеся гайдамаки отыскали чердакъ, забрали отца, оставивъ женщинъ. Къ вечеру оказалось арестованныхъ 32 русскихъ и 15 евреевъ. Среди русскихъ были лица, обвинявшіеся въ большевизмѣ, также простые грабители. Былъ и одинъ полякъ-помѣщикъ, надъ которымъ особенно зло издѣвались. Его больше всѣхъ избивали шамполами и подвергали другимъ истязаніямъ. Затѣмъ начали вызывать отдѣльныхъ лицъ къ допросамъ. Вызвали и моего брата. Я посоветовалъ ему, чтобы онъ намекнулъ на то, что мы готовы откупиться за большія деньги. Допрашивалъ его, какъ и другихъ, тотъ же помощникъ коменданта. Онъ дѣлалъ какія то записи на бумагѣ, но этихъ записей не читалъ никому и подписей у допрашиваемыхъ не требовалъ. Брату моему онъ предложилъ нѣсколько незначущихъ вопросовъ, и когда